

Выбраковка

Автор:

Олег Дивов

Выбраковка

Олег Игоревич Дивов

Новый Дивов

Вашему вниманию предлагается новейшая авторская редакция романа, которую писатель считает окончательной.

...В этой стране больше нет преступности и нищеты. Ее столица – самый безопасный город мира. Здесь не бросают окурки мимо урны, моют тротуары с мылом, а пьяных развозит по домам Служба Доставки. Московский воздух безупречно чист, у каждого есть работа, доллар стоит шестьдесят копеек. За каких-то пять-семь лет Славянский Союз построил «экономическое чудо», добившись настоящего процветания. Спросите любого здесь, счастлив ли он, и вам ответят «да!». Ответят честно. А всего-то и нужно было для счастья – разобраться, кто именно мешает нам жить по-людски. Кто истинный враг народа...

Олег Игоревич Дивов

Выбраковка

Необходимые пояснения

Непосредственная работа над «Выбраковкой» заняла четыре месяца чистого времени. Но обкатка идеи, включая эксперименты на фокусных группах, шла с 1994 года. Тогда же начался подбор материала. Фактически я делал «Выбраковку» пять лет. Ни одна книга не давалась мне настолько тяжело.

Помимо самой идеи, выдумывать было почти нечего. Множество ситуаций и разговоров взято прямо из жизни. Далеко не все персонажи – вымышленные. Далеко не все истории – плод воображения автора. Некоторые подсмотрены не мной, а рассказаны заслуживающими доверия и компетентными людьми. С вашего позволения я проведу границу между фантастикой и реальностью, пояснив, откуда что взялось. Отмечу только самые яркие моменты.

А читателю этот набор копирайтов, надеюсь, покажется забавным.

Некоторые реплики Пэ Гусева (с) Пэ Краминов.

Происшествие с участковым Мурашкиным (с) частный охранник, бывший милиционер.

Образ мичмана Харитонов, блуждающего героя русской фантастики (с) Александр Громов, писатель.

История дома на Гоголевском бульваре (с) озверевшие жильцы, в том числе и автор.

Случай с бездомной собакой в метро (с) автор и собака.

Имя, фамилия, внешность, мимика и автомобиль Porsche-944 Алексея Валюшка (с) Алексей С. Валюшок.

Все реплики азербайджанца в видеосалоне (с) азербайджанец в видеосалоне.

Информация о порядках на территории Центральной Клинической Больницы (с) группа доброжелателей.

Вывеска «Православное братство священномученика Епидифора. Оптовый склад»
(с) оптовый склад другого священномученика.

Разговор слабоумных бабушек в клинике и реакция больного Пети (с) анонимный психотерапевт.

Инцидент с сумасшедшим на эскалаторе (с) анонимная пострадавшая.

Эпиграфы к главам (с) «Вокруг Света» 12-1991, А. Случевский, «„Орлиное гнездо“ валашского князя».

Концепция выбраковки родилась у автора в 1994 году в результате бесед с немолодыми или откровенно пожилыми людьми.

Всем старикам России, потерявшим себя в вихре «эпохи перемен» и мучительно ищущим выход, я и посвящаю эту книгу.

Олег Дивов, март 1999 г.

От публикатора

Москва, август 2009 г.

Со дня первого издания этой книги прошел без малого век.

Многое стерлось из памяти народной, спросить уже некого (и не с кого). В то же время, успели потрудиться историки и архивисты. Благодаря их стараниям добыто и обработано немало объективной информации. А эмоциональные оценки, когда-то доминировавшие в обществе, напротив, сгладились. Поэтому ОМЭКС считает важным подробно откомментировать текст «Выбраковки». Мы отказались от большинства сносок, оставив лишь самые необходимые, но зато

снабдили большим справочным приложением книгу в целом.

Комментарии, составленные для нас группой ведущих исследователей, нужны, поскольку «Выбраковка» не претендует на статус «энциклопедии жизни в Славянском Союзе». Некоторые описанные в книге реалии, вполне понятные современнику автора, могут показаться вам странными или просто фантастическими. Как именно работать со справочным блоком: читать ли книгу «насквозь», а потом уже обратиться к справкам, или регулярно заглядывать в соответствующие разделы, помещенные в конце тома, лучше всего разберется сам читатель.

В то же время, мы не могли отказать себе в удовольствии воспроизвести оригинальное предисловие Ивана Большакова к первому московскому изданию «Выбраковки» 2015-го года. С нынешних позиций эссе «Палачи и шерифы» выглядит крайне резким произведением, начисто лишенным политкорректности. Однако по нашему мнению, именно оно наилучшим образом оттеняет роман. Подчеркивает его достоинства и недостатки, прямо вытекающие из конкретной общественно-политической ситуации, породившей столь загадочную книгу. Нелишне отметить, что точка зрения Большакова, известного оппозиционного журналиста, была для своего времени едва ли не эталонной. Ведь Агентство Социальной Безопасности только-только ушло в небытие. Раны кровоточили, пепел стучал в сердце. И думается, что лишь активная гражданская позиция толкнула Большакова, так сказать, «под один переплет» с выразителем мнения «палачей». Попробуйте понять человека, рецензирующего книгу, автор которой, возможно, когда-то держал рецензента на мушке, одновременно угощая его циничной нотацией!

Может, этого в действительности и не случилось. Но читатели первого издания толковали ситуацию именно так, напрямую увязывая личность Большакова с одним из третьестепенных персонажей книги. Поэтому восемьдесят пять лет назад «Выбраковке» повезло выйти в свет с предисловием Большакова. Будем надеяться, что и теперь от такого соседства книга ярче заиграет всеми красками.

Естественно, любой выбраковщик, коего Большаков подозревал и в авторе книги, был для него личным врагом и истинным врагом нации. И если отвлечься от нелестных (и неуместных сегодня) эпитетов в самые разные адреса, которые Большакову так и не удалось замаскировать наукообразными периодами, вы почувствуете, какая ненависть двигала этим без сомнения выдающимся

человеком.

Сам того не понимая, он тоже всей душой ратовал за «добро с кулаками». Его стремление «раздавить аэсбэшную гадину» ничуть не менее агрессивно, чем желание выбраковщиков очистить свой дом от «врагов народа». Выбракровка успешно вытравила гуманиста из самого яростного своего критика. Большаков не готов бороться с Гусевым его же оружием, то есть – стрелять. Но это скорее издержки воспитания или психической нормальности, чем особенность видения мира.

И значит, с финальным выводом рецензента можно не согласиться. Выбракровка (явление, а не книга, разумеется) все-таки достигла цели. Как ни печально, но свойственная многим россиянам бытовая жестокость была переведена в новую фазу – социальную. Людям показали (и доказали), что они не только готовы убивать «врагов народа», но и имеют право это делать. Фактически выбраковка запустила механизм «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», используя тягу незрелой личности к силовому решению проблем. Людям официально РАЗРЕШИЛИ взбунтоваться «за все хорошее и против всего плохого». И они взбунтовались, с чисто русским масштабированием уничтожив каждого пятнадцатого из НАС. Поэтому всякие попытки расценивать выбраковку, как явление инородное, несвойственное русскому менталитету – увы, несостоятельны.

Это мы придумали. И не в первый раз.

Антиутопии давно не в моде. Но в том-то и дело, что роман «Выбракровка» не антиутопичен. Это просто еще одна правдивая история из нашей жизни. И чем ближе к сердцу примет читатель ее деструктивный пафос, тем больше шансов, что старший уполномоченный Гусев и стажер-уполномоченный Валюшок не восстанут из могил, чтобы постучаться в Вашу дверь.

Но за такую свободу тоже нужно платить. Так что о романтических ночных прогулках по сегодняшней Москве и не мечтайте.

ОМЭКС, редакция исторической книги.

Издательство выражает благодарность потомкам генерал-майора А.С. Ларионова и генерал-майора Н.Т. Петрова, любезно предоставившим ОМЭКС дневниковые записи и прочие документы из семейных архивов.

Генеральный спонсор издания: Всемирный Фонд ветеранов оперативных служб (российское отделение).

Генеральный информационный спонсор: правозащитная газета «Эхо Москвы».

Благодарим за поддержку: Фонд памяти жертв репрессий «Истина»; Государственную Комиссию по правам человека Администрации Президента Республики Беларусь; Мемориальный Архив Главного Управления Лагерьей и Каторжных работ.

Палачи и шерифы

Москва, февраль 2015 г.

Основная задача писателя сформулирована еще Эрнестом Хемингуэем, и большинство современных беллетристов считает такой подход к творчеству наиболее продуктивным. Идея безукоризненной честности автора в описании мыслей и поступков героев, концепция «правды, которая войдет в сознание читателя как часть его собственного опыта», породила мощное литературное течение. Сегодня его можно признать господствующим во всем мире.

Неподготовленному читателю может показаться, что роман «Выбраковка» по ряду признаков вполне соответствует нынешнему «главному потоку». В действительности это не совсем так. Безусловно, «Выбраковка» правдива в моделировании ряда специфических ситуаций и эмоционального ответа героев на эти ситуации. Более того, эта книга сильно отличается от основной массы произведений, описывающих период, когда в Славянском Союзе установился тоталитарный режим, провозгласивший «двухступенчатое правосудие». «Выбраковка» рисует события, так сказать, изнутри. Фантазия автора позволяет читателю оказаться в двух шагах от действующего сотрудника Агентства Социальной Безопасности (далее – АСБ), рассмотреть этого человека вблизи, а в

некоторых случаях и заглянуть ему в душу.

Но задумайтесь: чем вы обогатите себя, пройдя этот путь? Какая именно правда «войдет в ваше сознание как часть собственного опыта»?

Если вы не горите желанием понаблюдать вблизи за работой палача, никакой особой «правды» вы не ощутите и никаким полезным опытом не овладеете. Впрочем, называя героя «Выбраковки» палачом, я клевету на представителей этой профессии (кстати, вымершей в России за ненадобностью после установления моратория на смертную казнь в 90-х г.г. XX века и последующего отказа от смертной казни в начале XXI в.). Обычно так называемый «приводящий» (т.е. лицо, приводящее в исполнение смертный приговор) заранее получал на руки личное дело смертника и тщательно с ним знакомился, дабы уберечь себя от нервной перегрузки. Но героям «Выбраковки», испытывающим глубокое удовлетворение от своей «работы», специально готовиться к убийству не нужно. Они сами себе прокуроры и сами себе палачи, как легендарные шерифы на Диком Западе.

Только нужно учитывать, что в отличие от выбраковщика, шериф – не разновидность нервного заболевания, а выборная (!) должность.

Какое место отводит таким героям шкала ценностей современной литературы, сказать трудно. Но если поверить, что у них были реальные прототипы, это величина, стремящаяся к минус бесконечности. А на взгляд неспециалиста, и описанное в книге время, и его «яркие» представители заслуживают только одного – скорейшего забвения, как очередное наше позорище.

Впрочем и те, кому по долгу службы положено копаться в деталях, находят там много отвратительного, но мало достойного внимания.

Внутренний мир выбраковщиков неинтересен психологу, ибо подобные случаи хрестоматийны и детально описаны в учебных пособиях.

То же самое можно сказать о затронутом в книге историческом периоде – на взгляд историка. Это все уже было в России, и не раз. В определенном смысле деятельность «уполномоченных» АСБ та же опричнина, только доведенная до абсурда и имеющая мощную поддержку в народе благодаря информационному давлению на массы. Сейчас мало кто знает, что первоначально АСБ создавалось

как инструмент устрашения «бояр»-олигархов и было абсолютно закрытой спецслужбой. К моменту «январского путча» костяк Агентства был уже сформирован, и только внезапный передел власти в стране привел к тому, что АСБ была навязана совершенно новая роль. Это, впрочем, не отразилось на судьбе так называемых олигархов – за ними накопилось достаточно грехов, чтобы возглавить списки «врагов народа» и отправиться на вечную каторгу.

Кстати, расправа над олигархами – единственное более или менее позитивное деяние АСБ. Конечно, если слово «расправа» намеренно опустить.

В целом ситуация тех лет настолько прозрачна, что и говорить особо не о чем. Косность государственного мышления, помноженная на бездарность и маниакальную жажду власти. Как следствие – тоталитарная идеология и жестокость, возведенная в закон, точнее, поставленная над ним в лице АСБ.

Неудивительно, что роман «Выбраковка», пролежав год в интернете и сильно возбудив «сетевую общественность», остался не замечен крупными историками, хотя и вызвал бурную реакцию в стане литературных критиков. Не к чести последних, они подняли излишний шум вокруг банального «ментовского романа» с претензией на психологизм. Это можно оправдать только слабой информированностью литературных кругов. Оказалось, люди просто не знают, как все было на самом деле. Фактически задача данного комментария – в самой популярной форме прояснить ряд вопросов, которые могут у вас возникнуть при чтении бумажного издания романа.

Лично мне как исследователю, молодость которого пришлось на описываемый в книге период, трудно удержаться от едких замечаний по поводу многочисленных неточностей в деталях и концептуальных ошибок, допущенных автором. Но гораздо более важным мне представляется разбор самой авторской позиции, которая в «Выбраковке» просматривается весьма и весьма явно.

Характеризуя эту позицию, я мог бы ограничиться одним словом – «трусливая». Посудите сами. Живописуя насилие, автор подробно рисует механизм его воспроизводства и того разрушительного воздействия, которое оказывает насилие на «уполномоченного» АСБ. Раскрывая внутренний мир героя во всей его мерзости, автор упорно пытается защитить этого человека, подбрасывая читателю недвусмысленные (хотя и сомнительные по правдоподобию) доказательства того, что герой якобы не так уж плох. Наконец, описывая идиллические картины безоблачно счастливого бытия москвичей

(обеспеченного, разумеется, действиями АСБ), автор создает фон, который заставляет читателя поверить, будто «доброму гражданину» в этом жестоком мире нечего бояться.

Но позвольте спросить: чью все-таки сторону занимает писатель? Взвзвись обличать чудовищную систему, он ее защищает. Рисуя положительные (?!) стороны «теории Сверхнасилия», воплощенной в жизнь, он будто нарочно открывает перед читателем галерею отвратительных типов, которые эту теорию реализовали на практике. Он, видите ли, предлагает нам самим решать, что хорошо и что плохо.

Важную роль в запудривании мозгов читателя играют и эпиграфы к главам. Конечно это чистой воды лапша на уши, но к самим эпиграфам не придерешься, отчего лапша вешается особенно эффективно.

Создается впечатление, что автору просто не хватило духа раскрыть свое истинное лицо, обозначить четко позицию, которую он занимает на самом деле. Думаю, вы без труда поймете, какую именно позицию я имею в виду.

Что это как не трусость?

Разумеется автор намеренно выбрал для книги относительно благополучный период нашей истории. В последние годы владычества «Правительства Народного Доверия» Славянский Союз действительно испытывал определенный экономический подъем, а преступность была подавлена едва ли не стопроцентно. Повсеместное восстановление института карательной психиатрии устранило мало-мальские отклонения от нормы (это если не учитывать сотрудников АСБ, разгуливавших по улицам свободно и наводивших ужас своим видом). Жесткое исполнение экологических требований оздоровило воздух больших городов. Плюс резкое снижение подоходного налога; внушительное повышение заработной платы госслужащим и пенсионных выплат; совершенно нереальный, но убедительный для оболваненных масс курс внутренней конвертации рубля (вот она, нынешняя гиперинфляция). Все это создавало у большей части населения Славянского Союза состояние легкой эйфории и, соответственно, крайне снисходительное отношение к ограничению гражданских свобод. Такая политика, вкупе с жесткой фильтрацией информационных потоков, внушала народу, что все идет как надо. Особенно подействовало на массовое сознание открытие границ и публикация объективной (!) статистики по эмиграции, которая оказалась аномально низкой

для тоталитарного государства. На таком благостном фоне «Правительство Народного Доверия» могло продержаться у власти еще года три-четыре, пока его не раздавил бы обвал экономики, запрограммированный им самим. С другой стороны, такая власть попросту не могла не пожрать самое себя в людоедском запале – что и произошло.

Выбор этого временного промежутка как бы снимает с автора часть ответственности. Он вроде бы не обязан рассказывать о массовых расправах, чинимых его героями, поскольку на тот момент расправ уже не было. Как говорит в книге главный герой напарнику-неофиту: «Чего пришел, мы всех уже поубивали». Более того, автор награждает своих выбраковщиков легким комплексом вины, опять-таки не безосновательно, поскольку давно пора. Внешние признаки комплекса описаны правдоподобно, они именно такие, какие должны быть у патологических личностей: размытые и нечеткие. Выбраковщики элементарно не понимают, отчего и за что им так стыдно. Даже анекдотический перенос, выразившийся в яростном нежелании отстреливать бродячих собак, которые «ни в чем не виноваты», по слухам, имел место на самом деле.

Верно подмечена и странная на взгляд непосвященного система отбора сотрудников АСБ, когда на первый план выходил не оперативный опыт и умение вести себя в экстремальных ситуациях, а то, что у человека есть личный счет к уголовникам. И очень умело прорисовано лезущее изо всех щелей и набирающее силу безумие. Безумие как опричников, так и системы в целом.

Оставим на совести автора то, что никаких следов мифической «теории Сверхнасилия», провозглашающей государство таким «суперпаханом», т.е. главным и единственным преступником в стране, до сих пор не обнаружено. Скорее всего данной теории не существовало, ее вполне заменял печально известный «Указ сто два». Неправдоподобна и история главного героя. Этот неадекватный человек, существуй он в реальности, не ходил бы по Москве с пистолетом, а был бы принудительно и навечно заперт своим кремлевским отчимом в какую-нибудь тмутаракань от греха подальше. Абсолютно неверна, хотя и не лишена определенного мрачного изящества легенда о возникновении термина «птичка». Человек по имени Павел Птицын ни в каких госструктурах 90-х годов XX века не числился. А вот Павел Александрович Гусев действительно был старшим уполномоченным АСБ, только не Центрального отделения Москвы, а Северо-Западного. На второй год выбраковки он был захвачен и зверски убит бандой вымогателей, принадлежавшей к знаменитой некогда «Солнцевской братве» (похожий эпизод в книге упомянут, хотя и не без

вранья). Что известно автору о реальном Гусеве, его происхождении и родственных связях, и известно ли вообще, сказать трудно. Вдобавок, кто такой на самом деле Гусев из книги, и на что именно автор упорно намекает, тоже вопрос открытый. А детективные фокусы, когда невозможно понять, врет герой или говорит правду, лишний раз подтверждают, что и сам литератор пребывает на счет Гусева в глубокой неуверенности.

Безусловно неверны постулируемые в книге принципы личных взаимоотношений сотрудников АСБ и милиции. «Указ сто два» и «Указ сто шесть» жестко связали эти две структуры организационно, но человеческий фактор и тут внес коррективы. МВД всеми способами уклонялось от прямых контактов с выбраковщиками. Разумеется, АСБ активно пользовалось милицейской «наводкой». Все оперативно-розыскные мероприятия в стране по-прежнему вели специалисты МВД (в Агентстве таких попросту не было, что бы там ни утверждали малокомпетентные фантазеры). Данные по тем фигурантам, которые попадали под «юрисдикцию» АСБ, исправно пересылались Агентству. Но теплые отношения между выбраковщиками и отдельными милиционерами, выпячиваемые автором к месту и не к месту – такая же фальшь, как и эпизод, в котором «мент» с самоубийственной храбростью обзывает Гусева «Вождем палачей». Да, АСБ взяло на себя львиную долю самой грязной милицейской работы, но делало ее, во-первых, чисто механически, а во-вторых, крайне топорно. Заключалось это в том, что основная часть преступников, определенная по «Указу сто два» во «враги народа», задерживалась (если не стыдно эту процедуру так назвать) и зачастую расстреливалась на месте людьми Агентства. Уцелевших отправляли на психотропный допрос, быстро судили и «передавали на баланс» ГУЛАК. Ничего больше.

Значит ли это, что милиция пряталась за спины выбраковщиков и смиренно ждала момента, когда ей разрешат снова занять свое место? Стоит ли думать, что милиционер улыбался в лицо «уполномоченному», а когда тот пройдет мимо, плевал через левое плечо и крестился? Первое утверждение неверно в принципе. Второе, скорее всего, на сто процентов соответствует истине. Задвинутые в угол милиционеры оказались в крайне неприятной ситуации. Конечно они были вынуждены молча ждать своей очереди. Но считать, что ожидание было полно саркастической радости (мол вы делайте грязную работу, а мы тут ни при чем) по меньшей мере глупо. Кстати, людская ненависть выплескивалась на «ментов» куда чаще, нежели на выбраковщиков. Ведь стоящий над законом сотрудник АСБ в ответ на гневное слово в свой адрес мог и выстрелить...

Практически не обозначена в книге позиция Русской Православной Церкви, точнее – произошедший среди духовенства раскол. Как известно, наряду с печально известным о. Ергоменом, провозгласившим АСБ «Воинством Христовым», в анналах Истории навечно запечатлен светлый образ сгинувшего на каторге о. Валентина (Покровского). С канонизацией последнего РПЦ по непонятным причинам тянет до сих пор.

С неуместной для русского писателя бравадой обойден в книге и еврейский вопрос. Для автора он, кажется, не существует вовсе. Хотя есть основания полагать, что вопрос этот стоял в те дни необыкновенно остро. Дискриминация лиц коренных национальностей на территории Союза обогнала даже рекордные показатели ельцинских времен. Да, некоторое число евреев тоже было истреблено – но лишь в первые годы выбраковки и обычно за преступления, связанные с вывозом капиталов (не менее 70% российских денег, ушедших за рубеж в 90-е годы XX в., было вывезено евреями). Похоже, для автора это не аксиома. Он вообще склонен к легендированию читателя, ему интереснее разрабатывать тему «Меморандума Птицына» и копаться в психологии выбраковщика, нежели раскрывать истинные механизмы, принудившие русских в массовом порядке заняться уничтожением себе подобных. Между прочим, в АСБ евреев не было вообще! Формально их туда не брали без объяснения причин. Фактически такой порядок вещей был инспирирован международным сионистским лобби.

Даже на белорусской территории в отделениях АСБ «трудилась» сплошь Ивановы, Петровы и Сидоровы, импортированные из России! Не к чести братьев-славян будь сказано, они подозрительно легко согласились с абсурдным тезисом, что русские превосходят их в реакции и сообразительности, необходимых для оперативной работы. При том, что «сообразительные» русские уже отвыкли считать Беларусь своей землей. В лучшем случае они воспринимали союзное государство как оккупированную территорию – лишнюю, бесполезную, лишенную ценных ресурсов, к тому же наводнившую российские города толпами гастарбайтеров. Последних с редкостным остервенением гоняли московские выбраковщики, и через какой-то год встретить в столице работягу-белоруса стало почти так же нереально как, например, живого цыгана. Можно сказать, что АСБ с одинаковой легкостью и выполняла социальные заказы, и сама их формировала.

Что касается цыган, их всего-навсего пинком вышибли из страны – а могли бы поубивать. В этом тоже был стратегический расчет. Российская цыганская

диаспора активно торговала наркотиками, и «Правительство Народного Доверия» не постеснялось «нагадить ближнему», наводнив соседние государства (особенно строптивую Украину, наотрез отказавшуюся вступить в Союз) толпами цыган с полными карманами отравы. О том, как непросто оказалось вырывать цыганский криминалитет из общества, свидетельствует даже Гусев. Упомянутая им зверская перестрелка выбраковщиков с «ментами» на Киевском рынке Москвы на самом деле имела место. И случилась действительно из-за цыган, к засилью которых рыночная милиция относилась чересчур лояльно, если не сказать хуже. АСБ в свойственной ему манере свалилось на рынок как снег на голову, и у милиционеров не было шанса одержать верх, несмотря даже на огневое превосходство. Милицейские автоматы либо пробивали легкую броню выбраковщиков, либо валили противника с ног. Но зато штатный «игольник» позволял уполномоченному АСБ безбоязненно стрелять по толпе очередями, кося и правых, и виноватых (статистики по случаям, когда парализатор убивал жертву, нет, разные исследователи оценивают «незапланированный брак» как пять-шесть процентов). Первое же резкое движение «ментов» спровоцировало такую пальбу, что буквально через пару секунд на земле лежал весь рынок, включая нескольких аэсбэшников – зацепили свои. Из милиционеров домой вернулись только двое, один впоследствии сошел с ума и был «забракован» окончательно, со вторым мне удалось побеседовать, и это оказался абсолютно сломленный человек. По его словам, дознаватели АСБ обращались с ним подчеркнуто корректно. Никаких деталей психотропного допроса он не помнил, но создалось впечатление, что либо в качестве «сыворотки правды» был использован нестандартный препарат, либо жертва АСБ подверглась гипнотической обработке.

Эта история лишней раз подтверждает, что ни о каком доверии между АСБ и МВД не могло быть и речи. Более того, милицейское начальство не без основания подозревало Агентство в стремлении к захвату власти. Не случись провального «октябрьского путча», когда заговорщики спровоцировали резню внутри АСБ, такой сценарий мог бы получить самое печальное развитие. Но русского народного дракона очень вовремя заставили откусить себе лишние головы. Это тоже сыграло важную роль – на две трети обновленное, Агентство перестало быть неуправляемой силой. И когда «Правительство Народного Доверия» взорвал последний в его истории внутренний конфликт, немногие уцелевшие выбраковщики-ветераны уже не могли выручить своих кремлевских покровителей. Ветеранам оставалось только бежать, погибнуть или сложить оружие. А поскольку, как и в прошлый раз, их пришли арестовывать собственные «младшие» коллеги, то последний выход избрали немногие.

Человеку, знающему атмосферу тех дней не понаслышке и имеющему опыт личного общения с выбраковщиками (представьте, какой именно опыт был у правозащитника и репортера нелегальной газеты), трудно не углубляться в частности. «Ловля блох» в псевдоисторическом художественном тексте вообще занятие довольно сомнительное. Но мне показалось важным определить, насколько осведомлен о событиях десяти страшных лет выбраковки сам автор. Вывод мой почти однозначен. Скорее всего, этот человек жил в России тогда и даже принимал участие в событиях. А разбросанные по тексту отчетливые знаки позволяют выдвинуть гипотезу (я подчеркиваю – гипотезу), что его деятельность имела вполне определенный характер. И некоторые фактические искажения, допущенные автором в книге – просто камуфляж.

Писатель существо особое, наделенное даром подсматривать и анализировать нюансы, ускользающие от взгляда обывателя, к коим я отношу и себя. Опытный автор, располагающий большим массивом обработанной информации, умеет моделировать даже ситуации, которых никогда не видел (недаром так правдоподобны бывают заведомо фантастические романы). Но меня не покидает ощущение, что некоторые поступки героев и особенно диалоги «Выбраковки» списаны «с натуры». Так оно все и было на самом деле. Или, как минимум, должно было быть.

Но это все-таки не сама правда. Это лишь довольно ловкая имитация правды. Настоящая правда московских улиц и квартир была куда горше и безнадежнее.

И я рискну заявить, что автору она известна досконально. Поэтому он и встал за угол, стесняясь явить нам свое истинное лицо. Но лучше бы он по-честному выглянул. Отсутствие авторской позиции – самый серьезный просчет этой книги, в которой есть замах на проблему, но так и не происходит удар.

Модный некогда прием – уйти в сторону и оставить читателя наедине с текстом, – в данном случае ошибочен и не выдерживает критики. Период так называемой выбраковки – слишком больной момент в новейшей истории нашей страны. Еще не затянулись раны, еще не все преступники водворены туда, где им и место. Вожди «январского путча» и функционеры «Правительства Народного Доверия», отсиживаясь в странах третьего мира, дают обширные интервью враждебным Родине изданиям. До сих пор не устоялось мнение о том, как относиться к «младшим» (уполномоченным АСБ второго потока), не успевшим особенно себя запятнать, поскольку их основной задачей оказалось

уничтожение старших коллег. Не кажется ли вам, что в такое время подобные «Выбраковке» аморфные, нарочито «объективные» публикации неуместны?

За десять лет выбраковки было зверски истреблено не меньше десяти миллионов россиян (включая «усыпленных» младенцев с аномалиями развития и не считая насильственно прерванных беременностей, по которым статистика не велась). Это десятилетие больно ударило не только по нашей стране, но и эхом прокатилось по всей планете. Мы вынесли из этого кошмара только одно: четкое понимание того, что насилие как метод врачевания общества абсолютно непродуктивно. Очень свежая мысль, не правда ли? Спрашивается: неужели перед глазами кремлевских душегубов ни разу не вставали исторические аналогии? Оказывается, не вставали. Наверное единственная положительная сторона данной книги – лишнее подтверждение того факта, что Россией как всегда руководили маниакально властолюбивые амбициозные двоечники. Но подтверждение действительно лишнее, ведь любому образованному человеку сей факт прекрасно известен.

И тем более закономерно, что авторы параноидальной «неоспартанской» модели общества в итоге натравили собственных цепных псов друг на друга, сами перегрызлись и утратили власть. А страна Россия, несгибаемая, непобедимая и неподвластная уму (во всех смыслах) – осталась. По большому счету мы снова вернулись к отправной точке, которая описывается емким словом «разруха», и за которой, слава Всевышнему, обычно начинается подъем. И если кто-то сможет забыть о миллионах невинно убиенных, ему покажется, что в нашей стране вообще ничего особенного не произошло. Десять лет выброшено на ветер, и только. Выбраковка, если воспринимать ее в отрыве от кровавых реалий, как просто исторический процесс – не достигла цели, не дала никаких позитивных результатов, не добила совершенно ничего.

Тот же самый результат можно с полной уверенностью предречь и одноименной публикации.

Иван Большаков, шеф-редактор правозащитной газеты «Эхо Москвы» – специально для ОМЭКС.

Выбраковка

Глава первая

Хроники повествуют, что во времена его правления можно было бросить на улице золотую монету и подобрать ее через неделю на том же месте. Никто не осмелился бы не то что присвоить чужое золото, но даже прикоснуться к нему. И это в стране, где за два года до того воров и бродяг было не меньше, чем оседлого населения – горожан и земледельцев! Как же произошла такая метаморфоза? Очень просто – в результате планомерного очищения общества от «асоциальных элементов».

Участковый Мурашкин лениво брел по вверенной ему территории. Задворки Второй Фрунзенской всегда считались довольно спокойным местом, а теперь здесь можно было вообще помереть с тоски. Особенно если твоя профессия – защита правопорядка. Мурашкин учтиво раскланивался с бабушками на лавочках, улыбался детишкам, весело махавшим ему из недр кукольно-ярких игровых городков. В какой-то момент участковому повезло: знакомый мужик ковырялся в двигателе «Москвича», – но поломка была пустяковая и вволю почесать языком не вышло.

Заросший грязью пистолет, молчаливая рация, планшет со слежавшимися бланками протоколов – казались лишними и раздражали. Мир вокруг был стерилен, чист и на вид совершенно безопасен: выскобленный асфальт, ровно подстриженные газоны, спокойные лица прохожих. Мурашкин заглянул в пару магазинов, поболтал с продавцами, сонными от дневного безлюдья, и окончательно сник. Уселся на лавочку в сквере, закурил и в легком отчаянии подумал, что опять ему совершенно нечем заняться.

Другой бы на его месте радовался, но участковый Мурашкин был на свою беду человек долга. Он с детства уяснил, что добро обязано иметь кулаки, и если ты за все хорошее и против всего плохого – нужно что-то делать. Особых талантов за Мурашкиным не числилось, и он реализовал тягу к переустройству мира естественным образом: после армии пошел в милицию. И только-только ощутил себя на своем месте, как в стране грянули перемены. В первые дни казалось, что

новая власть своим знаменитым «Указом сто два» выплеснула на улицы волну насилия. Но волна довольно быстро схлынула и уволокла с собой почти весь тот контингент, что мешал нормально жить добрым гражданам и участковому Мурашкину в их числе.

Нужно отдать должное выбраковщикам: они причесали город очень частым гребнем.

Из тех, кого забраковали, не вернулся никто. АСБ недаром обзывало свои машины «труповозками». Неважно, забрали тебя из грязной коммуналки (а ведь не стало их, коммуналок-то, всего за год!), или из роскошного пентхауза тут, на набережной, – урод пропадал, освобождая место для нормального, честного, достойного человека.

И хотя противно было сознавать, что по всей стране орудует сила, которую не сдерживает закон, стальными тисками сковавший тебя самого, – Мурашкин на выбраковщиков не злился. Он понимал: временная мера. В «Указе сто два» так и писали, черным по белому. Еще пара лет, от силы года три... Поэтому Мурашкину никогда не приходило в голову попроситься в АСБ. По своему нынешнему безделью он отлично понимал, что значит оказаться выброшенным из жизни. А ведь это ждет каждого из тех, кто сейчас вместо него, Мурашкина, подставляется под бандитские пули. Хотя какие теперь бандиты... Поубивали всех давным-давно. А кого не убили, загнали пожизненно на каторгу. Почестному. Мол вы, ребята, погуляли за наш счет, теперь потрудитесь на наше благо.

И все-таки интересно, чем займутся парни из АСБ, когда правосудие вернется на привычные рельсы, и милиция из профилактической службы опять станет тем, чем ей положено быть. Станный народ там, в Агентстве. Своеобразный, если не сказать больше. «Некоторые, кстати, и говорят, не стесняюсь», – подумал Мурашкин. И сразу вспомнил, как на прошлой неделе в отделение зашел выбраковщик. Чего-то ему нужно было от начальника. Мурашкин, без дела ошивавшийся во дворе и ждавший, когда ребята сменятся и можно будет пойти вдарить по пиву, сразу его вычислил. Невысокий, даже щуплый, лет сорока, с заметной сединой в черных волосах... «Скромный такой. И с ласковыми глазами убийцы». И один лейтенант, видимо, знавший выбраковщика в лицо, крикнул: «Какие люди, и без наручников! Смотрите, кто пришел! Да это же Пэ Гусев, вождь палачей!»

У Мурашкина тогда все съежилось внутри. А тот Гусев просто кивнул лейтенанту, мило улыбнувшись, будто такими репликами выбраковку и положено встречать. Показал дежурному свой значок и прошел к начальнику.

Да, худо придется выбраковщикам, когда их услуги окажутся не нужны. А ведь милиция, по большому счету, в ножки им должна поклониться. Мурашкин отлично помнил времена, когда от него, человека в серой форме, люди шарахались, как от чумного. «Менты и бандиты – родственные профессии», – говорили тогда. Теперь полюбили. Малышня так на руки и лезет, взрослые не воротят морду, а первыми здороваются...

Мурашкин курил и думал, какого черта он тут делает. Можно пойти в опорный пункт и вволю поиграть на компьютере. Можно отправиться домой и приготовить что-нибудь эдакое на обед, жену порадовать. По телевизору смотреть днем нечего: гонят советские фильмы и пропагандистские шоу на тему, как хорошо жить в Славянском Союзе. Жить стало действительно неплохо, а все равно тоска... Участковый сунул нос за пазуху в надежде, что случайно отключил рацию. Но тусклая красная лампочка горела, и динамик еле слышно шуршал.

А то нанести один-другой профилактический визит? Проверить, например, не запила ли вновь эта дура Татьяна. Или в сотый раз попытаться объяснить старому маразматiku Дундукову – вот же фамилия! – чтобы перестал на нее строчить анонимки. Все равно бумажки с подписью «Борец за нравственность» к рассмотрению не принимаются...

От соседней школы донесся оглушительный вопль, будто там резали детей очень тупым ножом. Мурашкин и ухом не повел: это просто началась большая перемена. Но мысли его двинулись по вполне определенному пути. Точно, зайти к Татьяне. Она когда запивает, у нее ошиваются разные типы. Ведут себя обычно тихо, ничего криминального, но два неуравновешенных человека в одном помещении – уже повод к «бытовухе». Не напугали бы дочь.

Бездетный Мурашкин тяжело переживал, когда у симпатичных детишек оказывались непутевые родители. Дай ему волю, он прелестную белокурую шестилетнюю Машеньку отнял бы у Татьяны силой и удочерил. Все равно мать сопьется вконец и либо на принудительное лечение угодит, либо вообще в лагерь. Только успеет до этого ребенка испортить. Жаль.

Да, к Татьяне. Прямо сейчас. Мурашкин бросил окурок в урну, поднялся и быстрым шагом двинулся в глубь квартала.

Уже поднимаясь на этаж, участковый почувствовал смутное беспокойство. А когда протянул руку к кнопке звонка, услышал неясный звук, доносящийся из квартиры. То ли стон, то ли плач. За обшарпанной дверью творилось нехорошее. Мурашкин позвонил. Никакого ответа. Он позвонил снова. Внутри завозились и притихли.

- Откройте, участковый! - крикнул Мурашкин.

И опять услышал тот же звук. Точно, это плакал ребенок.

Никаких сомнений: там, внутри, стряслась беда. Участковый отошел к противоположной стене, оттолкнулся и наподдал дверь плечом. Полетел вперед с дверью в обнимку, врезался во что-то мягкое, упал, вскочил.

Хозяйка валялась в коридоре, участковый на пару с дверью хорошо ее ушибли. Мурашкин чуть было не принял женщину за мертвую. Но Татьяна вдруг открыла глаза, тупо поглядела на участкового и буркнула:

- И ты тоже пошел на хер...

После чего с отчетливым стуком уронила голову на пол и, кажется заснула.

Мурашкин толкнул дверь в комнату и остолбенел. Перед ним стоял незнакомый пропитой мужик и поспешно заправлял рубаху в штаны. А забившаяся в угол Машенька, заливаясь слезами, размазывала по чумазой мордашке белое и липкое.

Дальше участковый действовал четко и стремительно.

И так хладнокровно, как до этого никогда в жизни.

* * *

Телефонный звонок разбудил Гусева в полдень. Гусев, не открывая глаз, свесился с кровати и принялся шарить по полу. Телефон не нащупывался, а свисать было неудобно: какой-то валик твердо врезался в живот. Потом рука зацепила нечто стеклянное, которое тут же упало и покатилось. Гусев заподозрил недоброе, разлепил один глаз и обнаружил, что лежит поперек своего любимого кресла в гостиной, а на полу валяются в живописном беспорядке пивные бутылки.

Кряхтя и постанывая, Гусев сполз на пол и начал тыкаться носом в «пузыри», втайне надеясь, что хоть один да оставил вчера без внимания. Чуть-чуть жидкости прочистить мозги. А заодно вернуть себе дар речи, поскольку телефон, судя по назойливому курлыканию, вознамерился допечь хозяина и призвать к ответу.

Бутылки оказались пусты. Гусев не без труда встал на ноги и поплелся на кухню. Походя он снял с базы радиотрубку и прижал ее к груди, пытаясь хоть так приглушить сигнал.

Трубка задуманно хрюкала с методичностью, достойной лучшего применения. То ли ошибся номером какой-нибудь факс-модем, то ли звонил человек, знающий гусевский распорядок дня и железно уверенный, что абонент дома. Хорошо бы первое, но в чудеса Гусев принципиально не верил. Скорее всего, настойчивые звонки предвещали очередную свеженькую, с пылу с жару, неприятность.

Телефон умолк на пороге кухни, да так неожиданно, что Гусев даже остановился. С глубоким сомнением поглядел на трубку. А потом, будто очнувшись, сунул ее не глядя в пространство (оказалось – в забитую грязной посудой раковину) и прыгнул к холодильнику.

На полочке лежала записка – две бутылки «Балтики» номер три. Гусев огляделся в поисках открывалки, сообразил, что та после вчерашнего наверняка в гостиной и, недолго думая, уцепился пробкой за край батареи. Несильно врезал сверху раскрытой ладонью – пробка с тихим звяканьем укатилась под ноги, – и жадно припал к горлышку.

Через несколько секунд бутылка опустела наполовину, а в глазах человека появилось более-менее осмысленное выражение. Гусев тяжело выдохнул, уселся за кухонный столик и мысленно обложил последними словами гадину, разбудившую его раньше времени. Ни особого похмелья, ни физической

разбитости Гусев не ощущал. Он просто все еще был здорово пьян. Оставалось только допить пиво, раздеться и лечь в кровать. Хотя бы часика на три-четыре. Инструктаж перед вечерней сменой в пятнадцать тридцать. Хотя какая это смена – так, зайти отметить... Нет больше тройки Гусева. И когда ему теперь дадут хотя бы одного стажера, черт знает. А в одиночку выбраковщика никто на работу не пустит. Мало ли чего ему в голову взбредет.

Инструкция четко объясняла, почему нужно ходить втроем. И как себя вести в тех исключительных случаях, когда можно вдвоем. Но на взгляд Гусева, все эти хитрые расстановки уступом, просчитанные для каждой тройки специально, исходя из характеристик оружия и личной психологической устойчивости бойцов, расписывались только чтобы запудрить выбраковщикам мозги. Он-то отлично знал, почему на самом деле сотрудникам АСБ положено бродить стайей. Дай Гусеву волю, он бы своих коллег не то что на работу, а просто в магазин за хлебом поодиночке не выпускал бы.

И себя, ненаглядного, в первую очередь.

Одиноким выбраковщиком, тревожно-мнительный, неуверенный в себе, волочащий по асфальту длинный хвост многочисленных комплексов, представляет для добрых граждан куда большую опасность, чем целая преступная группировка. А поскольку банды, шайки и мафиозные кланы на территории Союза успешно выбраковщиками изничтожены...

Именно на этой фразе вчера Гусева перебили. Начальник Центрального отделения ласково попросил его засохнуть. Гусев засох и сел на место, ловя затылком неприязненные взгляды. Как обычно, его не поняли. Его вообще никогда не понимали. Никто. Всю жизнь.

Хотя, быть может, на этот раз намек получился слишком тонким. Но как еще передать товарищам свою тревогу за их безопасность? Как объяснить, что буквально всем телом Гусев предчувствует беду? А ведь он в АСБ шесть лет, почти с самого начала, и кому еще взвалить на себя тяжкую долю местного оракула? Когда остальные догадаются, что происходит, будет поздно. Единственный приказ сверху – и застоявшиеся ОМОНЫ и СОБРы передавят выбраковщиков, как котят. С диким наслаждением передавят. Таких, как Гусев, прожженных ветеранов, отловят по одному и тут же застрелят при попытке к бегству. А прочую мелюзгу вообще пачками лопать будут, и не подавятся.

«Нас в Москве осталось чуть больше тысячи. И от силы десять тысяч по стране. Говорят, теперь больше не нужно, ведь всех гадов вы уже поубивали... Мы – остатки прежней роскоши. Мы – жалкие крохи, нас просто смахнут рукавом со стола. А потом накроют стол по новой».

Стараясь не думать о грустном, Гусев прикончил бутылку и задумчиво оглянулся на холодильник. Точно, допить и баиньки. Если, конечно, эта гадина...

Гадина оказалась легка на помине. Среди чашек и тарелок обиженно тренькнуло.

Гусев встал, двумя пальцами ухватил трубку за огрызок антенны и выудил из раковины. Взял полотенце и тщательно протер. Нажал кнопку и хмуро сказал в микрофон:

– Зачем вы меня разбудили?

На другом конце линии раздался страдальческий вздох.

– Паша, как хорошо, что ты на месте! Выручай, старина! Кроме тебя...

– А-а, товарищ подполковник... Ну-ну.

Слышно было, как подполковник Ларионов, начальник близлежащего отделения милиции, угрызается совестью. Выражалось это в сопении и покашливании.

– Паша...

– Вот что-то вспомнить не могу, кто это меня на днях вождем палачей обозвал? – задумался вслух Гусев.

– Да ну! – деланно изумился Ларионов.

– Ты же знаешь, товарищ подполковник, я терпеть не могу, когда мне прямо так в глаза правду-матку режут.

- Паша, ну хватит, в самом деле!..

- Мне правда глаза колет, понимаешь?

- Хорошо, я им скажу.

- И скажи.

- И скажу! Так скажу, присесть не смогут!

- Вот сейчас пойд и скажи. Этому, как его... Ну, летёха такой мордастый. С усами.

- Паша, можно я с тобой закончу, а потом сразу пойд и скажу ему?

Гусев усмехнулся в трубку.

- Он меня боится, - сообщил он заговорщическим шепотом. - Они все меня боятся. Слушай, подполковник, а ты меня боишься?

- Извини, не очень.

- Как же так?

- А я смелый. Отважный я. Слушай, Паш, тут у нас большая неприятность случилась. Выручи еще разок? Пожалуйста.

- Опять твои психопаты задержанного прибили?

- Если бы задержанного, я бы тебе не звонил.

- А кого тогда?..

- Понимаешь... Мурашкин с пятого участка, прекрасный мужик, взял и застрелил одного урода. В состоянии аффекта застрелил.

- Ничего не понимаю, - удивился Гусев. - Ваша братия каждый Божий день кого-нибудь застреливает в состоянии аффекта. И рисует в отчете самооборону. Напивается до состояния аффекта, а тут навстречу топает мирный гражданин в состоянии аффекта - и пошла-поехала самооборона... Странно, что вы друг друга еще не поубивали. Даром, что пребываете в состоянии аффекта с утра до ночи...

Он мог бы еще долго распространяться на этот счет, но Ларионов его перебил.

- Паша, - сказал он. - Я тебя слушаю и балдею. Всю жизнь бы слушал. Позови какого-нибудь юношу из «Московского комсомольца», он с тобой потом гонораром поделится. Но мне действительно нужна твоя помощь.

- То есть, этот прекрасный мужик участковый Какашкин не умеет писать, и не может поэтому нарисовать в отчете самооборону.

- Да он в больнице! - рявкнул Ларионов.

- Почему? В какой?

- В Алексеевской, идиот!!!

Гусев задумался.

- Ничего себе... - пробормотал он. - Психушка, значит... Ладно, начальник, считай, я тебя простил. Докладывай обстановку.

- Докладываю, - согласился Ларионов. - Имеем два трупа...

- Ты же говорил...

- Нет, он еще и бабу одну грохнул.

- А-а, на почве ревности!

– Гусев, помолчи. Я же тебе докладываю. Имеется выбитая дверь, за ней два трупа, мужской и женский. Значит, женщина – хозяйка квартиры, мужчина – ее сожитель. Еще имеется девочка пяти лет, дочь хозяйки, живая, у нее глубокий шок, судя по всему было изнасилование.

– Хорошо погулял участковый Какашкин! – ляпнул Гусев.

– Павел!!!

– Извини, старина, это я от неожиданности. Вот же дрянь какая...

Гусев пожалел, что вовремя не прикусил язык. Конечно он догадался, что к чему. Случай был в каком-то смысле типовой.

Наверное каждый выбраковщик прошел через это: на твоих глазах некто отвратительный совершает нечто ужасное. И тут тебе впервые в жизни по-настоящему «сносит башню». Вот почему уполномоченным АСБ не положено огнестрельное оружие. Только уродливый пневматический «игольник», автоматический пистолет, стреляющий иголками с парализатором мгновенного действия. Кстати, побочный эффект этой мгновенности – адская боль. Малость химики перемудрили. Наверное у них тоже были личные счёты с врагами народа.

– Факт, что насильник – сожитель хозяйки, не вызывает сомнений, – объяснил Ларионов. – Мурашкина подобрали в невменяемом состоянии, и он еще долго ничего не расскажет. Да и нечего тут рассказывать, все ясно. Зашел для профилактики, что-то услышал, позвонил, не открыли, вышиб дверь... И так далее. Нервы сдали у мужика. Клянусь, я его хорошо понимаю. Ничего, подлечится – еще послужит...

Гусев хмыкнул, но от комментариев воздержался. Понятно было, что Ларионов своего подчиненного не сдаст. Тем более, участковый скорее попал в беду, чем совершил преступление. Но снова давать ему оружие и власть... «Гусев, окстись, ты и сам ничуть не лучше».

– Короче говоря, был звонок насчет стрельбы, – продолжал Ларионов. – От соседей на центральный пульт. Выехала группа, то есть все уже оформлено. Но слава Богу, у ребят хватило ума на месте разобраться что случилось, и

приостановить дальнейший процесс. Гусев, дружище, возьми все на себя, а? Ты представь, какой офигительный «глухарь» из этого дела получится! Его в принципе спихнуть не на кого!

– Кроме меня, – заметил Гусев. – Разумеется, ни один ворюга не возьмет на душу изнасилование ребенка и двойную мокруху. Да у тебя, небось, и нет сейчас живого вора. Ты уж, наверное, забыл, как они выглядят. А вот добренький Гусев на что угодно подпишется.

– При чем тут изнасилование, оно считай раскрыто. А вот мокруха... Паша, это ведь твой контингент! Запрос я тебе задним числом оформлю. И свидетелей, как положено.

– Знаешь, подполковник, – сказал Гусев негромко. – Я, конечно, о нас с тобой невысокого мнения, но вот в такие моменты удивляюсь – и чего это у нас еще крылышки не выросли? У тебя там, случаем, нимб не проявился? Гос-по-ди! Среди каких уродов мы живем! Это же просто уму непостижимо!

– Берешь?.. – спросил Ларионов с плохо скрываемой надеждой в голосе.

– Кроме твоих людей никто этого Какашкина не видел? – деловито осведомился Гусев.

– Мурашкина! Да нет, он как отстрелялся, так на месте и завис. Метался, бормотал что-то. Группа подъехала буквально через пять минут. Вывели его тихонечко... Если кто во дворе и был, так сам знаешь, менты они вроде китайцев, на одно лицо. А в больницу я его по блату сунул, там все будет шито-крыто.

– К тестю что ли? – вспомнил Гусев.

– Ну.

– Ладно, – вздохнул Гусев. – Через полчаса зайду. Готовь мне запрос и сопровождающих. Если дашь того усатого лейтенанта, буду отдельно признателен. И бутылка с тебя.

- Да хоть ящик! – радостно взвыл Ларионов.

- Значит все-таки берешь взятки! – обрадовался Гусев.

- Почему?!

- Откуда у тебя деньги на ящик, ты, подполковник!

- Нам в прошлом месяце опять зарплату повысили. А потом, я для хорошего человека, – твердо сказал Ларионов, – последнюю рубашку сниму!

- Это я-то хороший? – удивился Гусев.

- Конечно, – подтвердил Ларионов. – А если приедешь через двадцать минут, я тебе еще и не такое скажу.

- Обойдусь. Через полчаса встречай.

- Ну, Пашка, ну, выручил! Спасибо!

- Пока еще не за что, – отрезал Гусев и дал отбой.

Минуту-другую он стоял посреди кухни, задумчиво перебрасывая трубку из руки в руку и прикидывая, как навязанную Ларионовым фиктивную выбраковку провести через отчетность Центрального отделения АСБ. Ведь если подходить к вопросу формально, то нынче старший уполномоченный Агентства Социальной Безопасности Павел Гусев существовал только де-юре. Де-факто ему положено было регулярно являться на инструктаж, а потом вместо работы плестись на все четыре стороны. Ведущий, потерявший за месяц двоих из тройки. Потерявший заодно последние остатки доверия в отделении. Со всех сторон только неприязнь и страх. Впрочем, ему не привыкать. Всегда его по жизни сопровождали эти два чувства. Он боялся, его боялись. Он ненавидел, его ненавидели. И обе стороны, как правило, эти чувства умело скрывали. Гусев себя контролировал, потому что знал: может убить. Все остальные – потому что знали: и правда может.

Только внутри тройки, ушедшей в небытие, Гусев становился нормальным человеком. Ему повезло с помощниками. Атмосферу, сложившуюся в команде, трудно было назвать взаимопониманием. Но вот доверие, готовность прикрыть спину, а то и заслонить товарища грудью – эти взаимные чувства они, трое, ощущали друг в друге постоянно. Выходя в город, тройка Гусева превращалась в единый организм.

Эта команда была неистребима. И прожила бы очень долго, не случись двоим из троих попасть под выбраковку самим.

Глава вторая

В этом – разгадка неслыханной и не имеющей аналогов в мировой истории повальной честности населения Валахии в середине XV века. После того, как тысячи воров погибли на кольях или сгорели в пламени костров на городских площадях, новых охотников проверить свою удачливость уже не находилось.

Сентябрь в этом году выдался сухим, но прохладным. Лучшая погода для выбраковщика, который по долгу службы предпочитает одежду из плотной ткани и свободного покроя, скорее даже мешковатую, чтобы не так выпирала наружу его профессия. Летом Гусева ужасно раздражала необходимость мазаться специальными кремами и надевать гигроскопическое белье. Иначе он бы просто умер, закованный в спасительную, но абсолютно глухую броню. А сейчас он чувствовал себя замечательно. Легкая, но прочная кожанка с полами до середины бедра удачно маскировала полпуда железа и пластмассы, которые таскал на себе выбраковщик.

Тем не менее, у станции метро Гусева вычислили. Он задержался купить сигарет, и тут же рядом притормозил «Соболь» с эмблемой Службы Доставки на двери.

– Помощь не требуется, коллега? – спросил парень в белом халате, высовываясь из окна.

Гусев бросил через плечо сумрачный взгляд, промолчал и снова повернулся к окошку табачного киоска. Протянул было деньги, но тут задняя дверь киоска открылась, и внутрь шагнул некто, судя по выражению лица – хозяин. Гусев присмотрелся, вздохнул, пробормотал: «Извините, у нерусских не покупаем...» и тяжело потопал к соседней палатке. Несмотря на вполне приличное настроение, ходить сегодня было отчего-то трудно.

«Соболь» все не уезжал. Взяв свое курево, Гусев подошел к фургону.

– Что там было насчет помощи? – спросил он угрюмо. – Какая еще помощь?

– Наркологическая, разумеется. Хотите маленький укольчик? Второе рождение гарантировано. Вы же чувствуете э-э... дискомфорт, сразу видно.

– Вот это глаз! – восхитился Гусев.

– Работа такая, коллега. Давайте, заходите.

– Н-нет, спасибо, – пробормотал Гусев. У нарколога было приятное открытое лицо и заразительная улыбка. Но это еще не повод разрешать человеку тыкать в тебя иглами.

– Вам же на маршрут сейчас, верно? Давайте поправим здоровье. Я просто нарушу профессиональную этику, если отпущу вас.

– Как вы меня раскрыли? – спросил Гусев, безуспешно пытаясь оглядеть себя в поисках какого-нибудь вопиющего изъяна.

– Просто характерная моторика. Сейчас она, конечно, сглажена – последствия интоксикации. Но все равно если знать, что искать – видно.

– На психиатра, что ли, учитесь? – догадался Гусев.

– Верно. Не буду же я всю жизнь пьяных по домам развозить. Доставка – это так, ради денег. Ну давайте, ныряйте в наше гостеприимное лоно.

– Не-а.

- Почему?!

- Страшно.

- Тьфу! Поймите, вам через пять минут станет легче. А через пятнадцать – как новенький будете.

- Я с похмелья тревожный, – признался Гусев. – Боюсь автомобилей, низколетящих голубей и врачей-убийц.

Из кабины раздался сдавленный хохоток: водитель подслушивал. Нарколог смерил Гусева взглядом, каким одаривают непослушного ребенка.

- С вас прямо хоть диплом пиши, – сказал он. – Особенно если низколетящие голуби... Не хотите укол, могу смешать микстурку. Но дольше ждать придется. Слушайте, а можно я вам хотя бы давление померяю?

- Я что, настолько плох?

- Жить-то будете...

Гусев сдался и полез в машину, бормоча: «До чего ж вы, медики, настырные...». Внутри обнаружился еще один клиент Доставки. Поперек двух кресел развалился молодой человек в парадном флотском мундире. Фуражка у моряка съехала на нос, сбоку из-под нее выбивались неуставные русые кудри.

- Здорово, полундра, – бросил ему Гусев. Тот не отреагировал.

Давление у Гусева оказалось явно пониженное.

- Ну хотя бы валокордин, – предложил врач.

- Делать вам нечего...

- Ваша правда, коллега. Скука жуткая. Третий час уже катаемся, хоть бы кто под колеса упал... В сентябре вообще мало пьяных, в основном работают люди,

восстанавливают семейный бюджет, подорванный отпуском, хе-хе...

- А это? - Гусев ткнул пальцем через плечо. - Что ж вы его домой не везете?

- Товарищ капитан первого ранга, мичман Харитонов... - неожиданно сообщил в пространство флотский. После чего громко всхрапнул и снова отключился.

- Это мичман Харитонов, - объяснил врач, отсчитывая капли.

- Вижу, что не адмирал Нахимов...

- Вот, пейте. Бедняге нельзя домой, он на службе. Никак до Генштаба не дойдет. Ничего, я ему такой коктейль в вену запузырил...

Гусев проглотил лекарство.

- Спасибо, - кивнул он, возвращая стакан. - Слушайте, доктор... Можно некорректный вопрос?

- Смотря насколько, - улыбнулся врач.

Гусев сначала малость опешил - на его памяти так с выбраковкой не разговаривали, - а потом сообразил: медик совершенно не боится АСБ. Искренне не боится. Наверное совесть кристально чиста. «Побольше бы нам таких».

- Для вас что, на самом деле все пациенты одинаковы? - спросил Гусев.

- Разумеется. Я же клятву давал.

- Клятва штука хорошая... Но если по-человечески? Все люди разные, и кто-то вам окажется симпатичен, а кто-то, наоборот, противен до тошноты. Как вы с этим справляетесь?

- Ну... Поначалу старался не оценивать. Подходил к вопросу с точки зрения долга. А потом, наверное, привык. Видите ли, больного легко пожалеть, какой бы скотиной он ни был. Больные все страдают.

- Больные все страдают... - Гусев покивал своим мыслям.

- Я, кажется, понимаю, - догадался врач. - У вас схожая проблема?

Гусев замялся.

- Да как сказать, - пробормотал он. - Вряд ли. Медик иногда вынужден быть жестоким к пациенту, чтобы тот потом выздоровел. А мне... А нам приходится делать больно одному человеку, чтобы стало хорошо другим.

- Не вижу особой разницы, - твердо сказал врач.

- Наверное она в том, что мы специально учимся не жалеть своих клиентов. Даже провоцируем их на драку, чтобы не было стыдно. А мне кажется...

- Еще бы вы их жалели! - перебил врач. - Так и рехнуться недолго.

«Вот оно, новое поколение, - мелькнуло у Гусева. - Допрыгались. А рассказать моему старику - помрет от счастья. Нет, ошибся я, таких нам даром не надо...»

- Вы еще молодой. Сколько вам, простите?

- Двадцать два.

- У-у... - Гусев улыбнулся. - Все бы отдал на свете, чтобы мне сейчас было двадцать два.

- А вам где-то сорок? Но в любом случае, вы мне нисколько не противны, коллега. Ну, я ответил на вопрос, не так ли?

Гусев задумчиво кивнул, выбрался из фургона и остановился, придерживая дверь.

- Вы весьма проникательны, - сказал он. - Я и правда хотел убедиться, что не противен вам. Спасибо за помощь, спасибо за внимание. Совет хотите? Полезный для жизни. Никогда, понимаете, ни при каких обстоятельствах не называйте выбравшего «коллегой». Мы с вами оба работаем на государство, но заняты

совершенно разным делом.

- Отнюдь. Мы оба лечим, - не согласился врач.

- Вам, юноша, с такими взглядами нужно работать в АСБ, - фыркнул Гусев, - а не пьяных по улицам собирать.

- Но я буду работать в АСБ. Уже через год. Меня берут стажером в медслужбу. Так что, может, еще увидимся.

- А-а... Ну да. Конечно. Понятно, - Гусев захлопнул дверцу и ушел прочь.

* * *

Обычно Гусев, выбираясь на улицу и погружаясь в мир людей, входил в состояние легкой настороженности. Он будто ощупывал пространство вокруг: нет ли где беспорядка, не обижают ли кого. Но после беседы с наркологом Гусев погрузился в себя. На эскалаторе он смотрел под ноги, и искомый беспорядок заметил, когда уже проезжал мимо. А в эпицентре беспорядка молча страдало обиженное существо.

Возле будки дежурного толпилось несколько человек, глядя вниз, на «гребенку» правого эскалатора, который сейчас был остановлен. Сам дежурный почему-то отсутствовал[1 - По поводу данного эпизода руководство государственного предприятия «Московский Метрополитен» заявило решительный протест еще в 2015 г., после выхода первого издания книги. Дежурный по эскалатору не покидает свой пост ни при каких обстоятельствах. Описание такого вопиющего случая пренебрежения работником метрополитена его служебным долгом полностью на совести автора (прим. ОМЭКС).]. Гусев обогнул будку и раздвинул людей плечом. На стыке «гребенки» и пола сидела в неловкой позе небольшая грязно-белая дворняжка. На ее длинной морде застыло выражение безмолвной мольбы о помощи.

Гусев такого раньше не видел, но сразу понял, что случилось. Несколько прядей с растрепанного хвоста собаки каким-то образом защемило между стальными ребрами «гребенки» и тележкой эскалатора. Псине редкостно повезло: хвост у нее все еще был. Наверное вовремя остановили эскалатор. По рассказам Гусев

знал, что севший на «гребенку» человек оставлял на ней минимум пол-задницы, а то и жизнь.

- Где дежурный? – спросил Гусев.

- Ножницы ищет, – сказали из-за спины. – Того и гляди угробится кто-нибудь, а ей, видите ли, собачку жалко.

- Ну-ка... – Гусев присел и осторожно, чтобы зря не причинять боли, ощупал собачий хвост, стараясь разглядеть, какие именно белые лохмы защемило, а какие свободны. Псина – как выяснилось, сука, – восприняла обследование с глубоким пониманием, разве что дышать не перестала.

Зевак позади ощутимо прибавилось. Всегда приятно участвовать в добром деле, когда им уже занялся другой.

- Вы поосторожнее, молодой человек! Укусит еще...

- Что ж она, совсем дура? – не согласился кто-то.

Собака немислимым образом извернулась и лизнула Гусева в щеку.

- Спокойно, малыш, спокойно... – пробормотал Гусев. – Та-ак, серьезных повреждений не вижу...

- А вы что, ветеринар? – спросили из толпы. Сейчас это уже была настоящая толпа.

- Вроде того, – отозвался Гусев, доставая швейцарский нож и выдвигая кусачки. – Ну, барышня, прощайся с красотой! – и принялся стричь.

«Барышня» все порывалась благодарно лизаться, что здорово тормозило ход операции.

- Молодой человек! – позвали начальственным голосом.

- А? - Гусев вынырнул из-под хвоста.

- Вы что там делаете? - над Гусевым нависла дежурная по эскалатору, дородная тетка с ужасными ножницами для резки металла в руках.

- У вас инструмент неподходящий, - Гусев вернулся к своему увлекательному занятию.

- Что за самодеятельность! - возмутилась дежурная. - На минуту нельзя отойти...

- Да это ветеринар! - объяснили ей.

- Вы правда ветеринар, молодой человек?

Гусеву осталось состричь всего чуть-чуть. Собака, чуя приближение свободы, начала дергаться, и он крепко прижал основание хвоста к полу, чтобы глупышка себе не навредила.

- К сожалению, - пропыхтел Гусев, - я уже не молодой. И никакой я не ветеринар.

- Черт знает, что такое! - возмутилась дежурная. - Ну ладно, режьте там.

- Вот спасибо... А собака что, местная?

- Да так... Ездит иногда.

- А билет она покупает? - хохотнули в толпе. - Или у нее пенсионная книжка?

- Теперь все равно льгота по инвалидности будет... - миролюбиво сообщила дежурная, чем вызвала дружное веселье собравшихся. - Умная собачка. Всегда аккуратно эскалатором пользовалась, не то, что некоторые. А сегодня замешкалась - и бац! Хорошо, я за ней обычно слежу. Едва успела «стоп» нажать. Вот учитесь, граждане.

- На сходе с эскалатора поднимайте хвост...

- И хвост поднимайте, у кого есть! Сумки повыше держите. А особенно - длинные полы одежды.

Гусев слушал разговоры, посмеивался и работал кусачками. Наконец он выстриг последний запутавшийся клок, осторожно подвигал хвост из стороны в сторону, понял, что все получилось, отпустил собаку и поспешно встал, пока его не облизали с ног до головы.

Толпа во главе с дежурной разразилась аплодисментами. Собака прыгала вокруг и радостно тявкала. Преисполненный благодарности к свидетелям его подвига, Гусев смущенно кивнул, спрятал ножик и расправил плечи. От этого движения у него из-под куртки предательски сверкнул значок. Наверное Гусев с похмелья небрежно его прицепил. Самый уголок выглянул, но оказалось достаточно.

Половину толпы как ветром сдуло.

Дежурная залилась краской и чуть не уронила ножницы.

- Никаких проблем, успокойтесь, - поспешно сказал Гусев.

- Подменить некому было, - пробормотала дежурная. - У нас все на инструктаже по технике безопасности...

- Вот именно что безопасности, - кровожадно поддакнул один из зевак.

- Это кто там гавкает? - спросил Гусев ласково.

Толпа, словно по команде, уполовинилась еще. Гусев, криво усмехнувшись, проводил взглядом беглецов и заметил, что к эскалаторам спешит еще одна женщина в форме работника метрополитена.

- А вот и сменщик, - обрадовался Гусев. - Теперь вы можете с чистой совестью проводить меня туда, где здесь моют руки.

- Конечно... - выдавила дежурная.

– Дамы и господа, оставьте нас, пожалуйста, – мягко попросил Гусев. Люди неохотно разошлись, озираясь. Только какой-то могучий дед с офицерской выправкой подошел к Гусеву вплотную и заглянул ему в лицо.

– Чем могу?.. – учтиво спросил Гусев.

– Вы благородный человек, – неторопливо произнес дед мощным голосом отставного командира. Большого командира, судя по интонациям.

– Есть немножко, – признался Гусев, пряча глаза. – Только не подумайте, что я какое-то исключение. Отнюдь нет.

– У меня к вам вопрос. Скажите, это правда, что АСБ скоро расформируют?

– Насколько скоро, не знаю. Но нас должны распустить, это было прописано в «Указе сто два». Нельзя же без конца терроризировать население.

– Терроризировать? – удивился дед. – Кто это вам сказал? Да пол-России на вас буквально молится! Вы делаете очень нужную работу.

– Мы ее уже сделали. Почти всю.

– Странно такое слышать от уполномоченного АСБ. Впрочем... Честь имею, – дед по-военному четко откланялся и ушел.

Гусев, жуя губу, смотрел в его широкую спину. Так и подмывало догнать старика и расспросить, дослужился ли тот до генерала. Позади дежурная шепталась со сменщицей.

– Так вы меня проводите? – обернулся к ней Гусев.

– Да, пойдёмте!

Собака увязалась следом, и Гусев подумал, что вот еще проблема – избавиться от этой спасенной, желательно ненасильственным образом. По другую руку от выбраковщика мучительно переживала свою будущность дежурная, преступно

оставившая пост. Десяток-другой шагов они прошли молча, и Гусев понял, что собака как-нибудь сама отстанет, а вот терпеть присутствие трясущейся от страха женщины надоело.

- Простите, что я вас напугал, - сказал он. - Поверьте, я ничего против вас не имею.

- Вы меня правда не накажете? - встрепенулась женщина.

- За что? - улыбнулся Гусев. - За то, что вы оставили пост в зоне повышенной опасности, потому что не могли видеть страдания живого существа? Бросьте. Вам просто стало жаль собаку. Если у нас даже женщины не будут поддаваться элементарной жалости, в гробу я видел такую нацию. Русские мы или кто, в конце концов? Забудьте.

- Начальник приехал, устроил внеплановый инструктаж, - пожаловалась дежурная. - Я помощь вызвала, гляжу - никто не идет. Понятно, не человек ведь, собака, потерпит. Да и пассажиров мало сейчас, две машины исправно работают... Пять минут жду, десять... Ну, сорвалась и бегом... Так бы я никогда...

- А почему инструктаж в рабочее время? Я думал, на метрополитене порядки очень жесткие.

- Для кого-то жесткие, для кого-то нет.

Гусев посмотрел на часы.

- Жалко, на работу опаздываю. А то подзадержаться здесь, устроить разнос кому следует? Нет, у вас же первой будут неприятности.

- Да уж! - усмехнулась дежурная. - Съедят.

- Видите, - сказал Гусев. - Мне тоже приходится выбирать между жалостью и долгом. Постоянно. Каждый день.

Посреди станции околачивалось двое милиционеров. Гусев вспомнил участкового Мурашкина и подумал, что тот, наверное, почуял бы застрявшую на

эскалаторе собаку за километр. «Все-таки, самые лучшие защитники и спасатели – это малость сумасшедшие люди. И пока им есть, кого защищать и спасать, будет порядок. А когда они перезащищают и переспасают всех-всех-всех... Что тогда?»

Исторические аналогии подсказывали Гусеву, что в таких случаях герои-богатыри сами учиняют дикий бардак. Чтобы было чем заняться.

Конечно если вовремя не приходят другие богатыри и не ликвидируют первых.

Глава третья

Определенно можно сказать только одно: людская молва и время не преувеличили его жестокость. Иногда он совершал героические поступки, но все же был не героем, а психопатом.

Центральное отделение занимало два подъезда в идущей под снос монументальной развалюхе 1903 года постройки. Наверное сто лет назад домик был ничего себе, но потом явились большевики. Выполняя историческую миссию запихнуть в господские апартаменты побольше барачной швали, они выкопали под домом глубокий подвал и надстроили два этажа. Здание постояло-постояло, а затем переутомилось и начало расползаться по швам. В каком-нибудь отдаленном районе на это дело плевали бы до тех пор, покуда через трещины в стенах не начали бы просачиваться бродячие животные. Но дом все-таки стоял в полукилометре от Кремля, поэтому его по-быстрому просверлили, а сквозь дырки пустили толстенные стяжки. Жильцы к трубам с резьбой цепляли бечеву для сушки белья. Гусев угодил в первую волну сотрудников АСБ, заселявших офис Центрального, и лично обрывал это замасленное провисшее мочало, на которое смотреть-то было страшно. Невольно в голову лезла картинка: сталкер с мешком хабара ползет по Зоне, а над головой у него тихонько шевелятся на ветру такие вот бородатые веревки...

«Мы с развеселым гоготом крушили перегородки и таскали мебель, а я все оглядывался на ребят и думал: чистой воды сталкеры. Лезут куда-то с наркотическим упорством, добывают то, непонятно что, гибнут ради этого

непонятно чего. Неужели и я такой же? Нет, только не я. А внутренний голос твердил: голубчик, разуй глаза! Конечно и ты тоже. Никто ведь тебя не просил идти на линию огня, сам полез. Как это – никто не просил? Я сам и просил. На коленях ползал.

Аргументировано умолял. Требовательно упрашивал».

Гусев взялся за ручку подъездной двери и с усилием потянул. Дверь жалобно скрипнула, отошла сантиметров на тридцать, застряла, но все-таки уступила и отодвинулась еще немного. Гусев не без труда пропихнул себя в открывшуюся щель и сразу наткнулся на дневную смену, бредущую вниз по лестнице. Выражения лиц «дневного» ему не понравились.

С ним хмуро здоровались, кое-кто даже за руку, но чаще приветственно хмыкали и прятали глаза. Никому здесь больше не было дела до Пэ Гусева, суперагента с лицензией на убийство. Он спекся и уже не подлежал восторженному поклонению. «Или это я себя накручиваю? – подумал Гусев. – Ну устал народ, вымотался. А может, кого-нибудь из наших подстрелили. Хотя вряд ли. Некому стрелять».

На площадке третьего этажа курила, ожесточенно жестикулировала и ругалась матом патрульная группа Данилова. Четыре тройки намертво закупорили проход, и Гусев волей-неволей принялся расчищать себе дорогу. Настроение сразу поднялось: несмотря на общее перевозбуждение, его заметили, принялись хлопать по плечу и совать руки. То ли Гусев еще не окончательно спекся, то ли не все так думали, то ли он на самом деле попусту накручивал себя.

Данилов как раз выкрикивал в дверь офиса порцию нечленораздельных оскорблений, когда Гусев осторожно взял его за локоть.

– Пэ! – заорал Данилов прямо Гусеву в ухо. – Ну хоть ты скажи этим негодьям! Почему опять мы?! В прошлом месяце Данила, теперь снова Данила! Что я тут, главный зоофил?! Я в отставку подам! Я уйду в рядовые! Хватит делать из меня этого... Как его...

– Начальника очистки, – подсказали с лестницы. – Полиграф Полиграфович, не переживайте так.

Выбраковщики заржали. Делать им больше ничего не оставалось, только потешаться над собой. Гусев окончательно воспрянул духом. Разумеется, вот откуда хмурые лица. «Дневное» снова погнали на отстрел бродячих животных. И как всегда, старший – Данилов. Бр-р-р... Это называется: любишь расстреливать – люби и могилки копать.

«Именно так – самому копать. А то слишком много романтики вокруг работы палача. Но бродячие собаки, конечно, перебор. Собака – это вам не обдолбанный бандит с автоматом. Хорошо еще, когда псина издали чует тебя, пропитанного запахом смерти, и старается убежать. А когда просто стоит и вглядывается в твои глаза... Нет, кончается выбраковка. Еще год назад послали бы мы их с этими собаками далеко и надолго. Подумаешь, заказ Моссовета... Да я когда-то половину этого Моссовета взял за плечико и отвел в труповозку. Сейчас, что ли, там браковать некого? Да запросто. Одно слово – взяточники. Но прошлой осенью по всему Союзу отменили ежеквартальные проверки чиновников на детекторе лжи. Слишком круто, видите ли. Унизительно. Хорошо, мы и без детектора можем, нам хватит малейшего намека. Даже видео не нужно – один микрофончик, одна кассетка. И привет горячий. Здравствуйте, господа коррупционеры, я старший уполномоченный Агентства Социальной Безопасности Пэ Гусев. Имеете право оказать сопротивление. Имеете право не называть себя. Имеете право не отвечать на вопросы... Пожалуйста, граждане, к дознавателю. А там уж вы сами все расскажете... М-да. Только оперативных данных по Моссовету нам больше не дадут. Все, отрезали».

– Пэ! – требовал Данилов, тряся Гусева за плечо. – Очнись! Ну скажи ты шефу, ты же можешь, я знаю...

– Ничего я уже не могу, – пробормотал Гусев. – Я бы тебе предложил местами поменяться, но ты ведь не согласишься...

На площадке внезапно стало очень тихо.

– ...Да и это не в наших силах, – заключил Гусев.

Данилов отпустил его плечо и сник.

– Разве что... – Гусев оглядел сгрудившуюся на лестнице группу. – Хочешь, я завтра пойду с вами?

– Пэ! Это ты? – раздался из офиса голос шефа. – Никуда ты с ним не пойдешь. Ну-ка, сюда давай!

Сокрушенный Данилов выразительно сплюнул через порог, ободряюще ткнул Гусева кулаком в живот и угромыхал вниз по лестнице, увлекая за собой группу. Некоторые из его людей с интересом оглядывались на Гусева. Все прекрасно знали, что он уже месяц околачивается в резерве. Неужели ему нашли-таки ведомых? Это при нынешнем тотальном некомплекте...

Примерно то же думал и Гусев, шагая внутрь офиса и растирая ногой по коврику даниловский плевок.

– Ничего-ничего, товарищи людоеды и душегубы! – ободряюще гудел Данилов на лестнице. – Это ничего. Бывает...

Шеф стоял в коридоре, засунув руки в карманы и раскачиваясь с пятки на носок.

– Пришел? – зачем-то спросил он. – А ну, поближе.

Гусев подошел к начальству вплотную, набрал в легкие воздуха и мощно дыхнул.

– Ф-фу! – отмахнулся шеф. – Сколько ты куришь, Пэ? Две пачки? Три?

– Ну две. А какая разница? Все равно помру.

– Смерть тоже разная бывает. По мне уж лучше схлопотать пулю, чем выхаркивать легкие.

– Что, приходилось? – осведомился Гусев с выражением неподдельного интереса на лице.

Шеф тяжело вздохнул.

– За мной... чудовище, – распорядился он.

Чудовище в ответ вздохнуло еще глубже и очень жалостно, но за шефом последовало.

- Что там случилось у тебя сегодня днем? - бросил шеф через плечо. - С каких это пор ты записался в юные друзья милиции?

- Там особый случай, шеф.

- И...?

- Наш случай. Участковый мент сделал нашу работу.

- ...и от напряжения сошел с ума, - заключил шеф, сворачивая за угол.

Гусев счел за лучшее промолчать.

- Третий особый случай на нашей территории, - сообщил шеф, открывая дверь тактического класса. - Чего встал, заходи.

- За сегодня? - ужаснулся Гусев.

- Да нет, за неделю. Все равно очень много.

Гусев вошел в класс и присел на край парты.

- Убивают преступников на месте? - спросил он. - Да?

- Ну, не всяких, конечно. Тех, кто по идее - наш клиент. И если с поличным. В понедельник ночью сняли насильника прямо с какой-то девицы и тут же его... Забраковали. А делать-то грамотно не умеют, не обучены. Так напугали бедняжку, что она теперь из больницы не скоро выйдет.

- Я себе представляю, - кивнул Гусев. - Народные мстители... Забили ногами. Били долго, обливаясь потом и сладострастно хрюкая.

- Циник ты, Гусев.

– Я выбраковщик, шеф. Откуда у меня эмоции? У меня все подавлено к чертовой матери. Взял за ушко, отвел за угол, посадил в машинку. Был урод – не стало урота. И главное – его жертва не чувствует себя виноватой, хотя лично приговорила гада. Потому что мы все делаем тихо. Это ведь очень важно – уберечь жертву от комплекса вины.

– Правильно, – кивнул шеф. – Это ты хорошо придумал.

– Да, – сказал Гусев ровным голосом. – Это я придумал.

– А кто спорит? – улыбнулся шеф. – Надеюсь, ты еще не разучился преподавать свою науку молодым.

Гусев коротко мотнул головой.

– Угу, – подбодрил его шеф.

– А я уж думал... – Гусев вдруг сгорбился и спрятал лицо в ладонях.

– Пока даю одного. Серьезных заказов не жди, так – патруль, мелочевка всякая. Но зато сможешь полноценно работать.

– Да хотя бы патруль! – воскликнул Гусев, разгибаясь. Глаза его слегка поблескивали – он с трудом удержал слезы.

– Потерпи немного, Пэ, – мягко попросил шеф. – Объявлен набор стажеров. Я-то думал, о нас совсем забыли. Но теперь есть основания надеяться... Строго между нами, Пэ – в город потянулась всякая сволочь, которая отсиживалась на периферии. Тихой сапой начинает тут разведку.

– Чуют гады нашу слабинку? Разным слухам поверили?

– Да похоже. Но мы их возьмем раньше, чем они успеют развернуться. У Мышкина на днях будет спецоперация, Даниле тоже есть заказ. Я думаю, именно поэтому и молодых набирают. Так что будет тебе и тройка, будет и целая группа. Думаешь, я совсем глухой? Не-ет, коллега, я тебя очень

внимательно слушал. Все это время, что ты молот языком, валял дурака и строил из себя предсказателя. Но кажется, ты ошибся.

– Я... Я должен сделать конкретные выводы? – осторожно спросил Гусев.

– Пока только один. Хватит болтать. Хватит нарываться. Не отсвечивай, Пэ.

– Ну, если я действительно ошибся, и нашу контору не прикроют...

– Держи нос пониже, но обязательно по ветру, – сказал шеф многозначительно. – Может, увидишь такое, чего я не замечу. А пока – готовь тех, кого получишь. Хорошо готовь. Если придет следующее поколение, это будут совсем новые для нас люди. Они ведь настоящего дела не видели и, надеюсь, не увидят никогда. Вот например твой стажер. Славный парнишка, но он даже не очень понимает, каким ветром его занесло в АСБ. И замечательно. Эти... – шеф махнул рукой в сторону лестницы, – слишком хорошо знали, для чего они здесь.

– И теперь их гоняют убивать собак, чтобы они поняли себе настоящую цену? – ввернул Гусев.

Шеф почесал в затылке.

– Черт его знает, – пробормотал он. – Я как-то не задумывался. Знаешь, собаки – это даже неплохо. В конце концов, нашим ковбоям давно пора слегка утихнуть. Сбавить обороты. Пусть хотя бы раз в жизни почувствуют стыд. Иначе их уже не наставить на путь истинный.

Гусев коротко глянул на шефа изподлобья.

– Честные шерифы отстреливают дворняжек... – пробормотал он. – Глупость какая. Вы их только против Агентства настройте. Да еще против себя лично.

– Я, что ли, отстрел собак придумал? – обиделся шеф. – Я просто говорю, что всяким Даниловым и прочим Мышкиным это может оказаться полезно.

– Сомневаюсь. А насчет стыда вообще бред. Они не устыдятся, а только обозлятся. Выбраковщика, который отработал больше пяти лет, можно самого

браковать. Или, как минимум, лечить. Таков мой диагноз.

- Ну пойдя тогда и застрелись, - надулся шеф.

- Со мной особый случай, шеф, вы же знаете. Между прочим, так это вы меня сдали подполковнику Ларионову? То-то он был такой ласковый...

Шеф замялся.

- Ближе никого не оказалось. Ты извини, Пэ.

- Тогда нечего подначивать - юный друг милиции и все такое... Да ладно, я на этом деле бутылку заработал. И покуражился вволю над одним ментом усатым. Знаете, как он меня обозвал? Вождь палачей!

- А ты что?

- А я попросил Ларионова дать его мне в сопровождающие. И этот усатый битый час ходил за мной хвостиком по месту происшествия. И все ждал, когда я скажу ему гадость. А я взял - и не сказал. Бедняга чуть не помер от натуги. В жизни его, наверное, так не презирали.

- Уф-ф... - шеф помотал головой, что-то соображая. - Не простят они нам. Ох, чую я, не простят.

- Завидуете Железному Феликсу? - поддел его Гусев.

- Это почему? - насторожился шеф.

- Он весьма своевременно помер. Не стал дожидаться, когда за ним придут и начнут не прощать.

- Устал я от тебя, Пэ, - сообщил шеф. - Тебя послушать, так ты и этот момент тоже предусмотрел.

– Естественно. Я изучал историю карательных органов. Причем не только наших. Этот момент наступал всегда. Рано или поздно власть говорит, что революционный террор исчерпал себя, и пора жить тихо-мирно. А что делать с террористами? Спросить, зачем они убили столько народу. Потом казнить их, людоедов – и так доказать собственную чистоту. Это просто ротация символов власти, шеф. Закон природы. В общем, мне незачем стреляться. У меня есть шанс принять смерть в бою. Уж когда за нами-то придут, мы хорошо повеселимся, верно?

Шеф внимательно оглядел Гусева с ног до головы.

– Хорош фрукт, – признал он. – И все ты врешь. Только что придумал.

– Ага, – кивнул Гусев с самым невинным видом.

– Издеваешься?! – рыкнул шеф.

– Безусловно.

Шеф вытащил платок и утер потную шею. Невысокий, лысый, с намечающимся животом, он даже выглядел разительным противоречием быстрому в движениях, подтянутому и молодежливому Гусеву. А уж насколько они были непохожи внутренне... Иногда Гусев поверить не мог, что вот этот человек – совершенно нормальный человек, – начальник его отделения. И такой же ветеран.

Может, дело было в том, что шеф занимался кабинетной работой и, по слухам, ни разу не ходил «на маршрут». Как загнали его, отставного следователя, в вожжи палачей, так он и просидел в кабинете самые кровавые времена. И Гусев еще, когда был в силе, шпынял его постоянно. «Мало ли, что ты начальник – а у меня зато рукоятка пистолета сама в ладонь прыгает... И ты, дорогой начальник, прекрасно это знаешь».

– Ну и черт с тобой, – вздохнул шеф. – Потрепались, отдохнули... Называется, отдохнули. Расслабились, мать-перемать. Сиди, жди, сейчас с ведомым познакомлю.

– Мне как с ним... не очень? – спросил Гусев. – В свете, так сказать, новых веяний?

– Почему не очень? Как обычно. Все, что понадобится, то и вытворяй. Тебе же с ним на маршрут ходить, не мне.

– Иголку дам попробовать?..

– Ну, если тебе очень надо – угости. Только учти: судя по личному делу, парнишка резкий. Настоящий ганфайтер.

– Дали бы дело почитать.

– Не положено, – мстительно ухмыльнулся шеф.

Гусев поднял глаза к потолку.

– Ну-ну, – пробормотал он. – Интересно, где этого вашего э-э... парнишку натаскивали на пистолет. В спецназе каком-нибудь?

– Нет, в спецназе он с автоматом бегал, и недолго. Думаю, сам научился. Он по жизни оружие любит. До армии занимался биатлоном. А сейчас – член сборной Москвы по пейнтболу. Давно уже кандидат в мастера. Понял, видно, что мастера не вытянет и решил пойти к нам.

Гусев почесал в затылке.

– То, что надо? – понимающе кивнул шеф.

Гусев неопределенно шевельнул подбородком. Современный пейнтбол, когда бои проводятся на очень близкой дистанции, в искусственных декорациях и без камуфляжа – это действительно было неплохо. Да и пейнтбольный маркер во многом походил на штатное оружие выбраковщиков. У «парнишки» могли быть навыки, которые облегчат ему вживание в профессию. За одним маленьким исключением...

– Неплохо. За маленьким исключением. Скорее всего, мой будущий напарник адреналиновый наркоман.

– Это намного хуже, чем тихий алкоголик? – вкрадчиво поинтересовался шеф.

Гусев в ответ выпятил грудь, задрал нос и холодно сверкнул глазами.

– Ладно, ладно, – шеф сунулся было похлопать Гусева по плечу, но тот уклонился от жеста примирения. – В общем, готовься, я сейчас.

– Зачем спортсмен поперся в выбраковку? – задал Гусев риторический вопрос спине шефа. – Что у него, в детстве бандиты денежку отняли?

– Так он же адреналиновый наркоман! – без тени сарказма напомнил шеф и прикрыл за собой дверь.

Глава четвертая

Постоянная готовность к самообороне была в те времена главным и необходимым условием выживания. Тот, кто пытался уклониться от борьбы, неминуемо погибал.

Будущий напарник оказался выше Гусева почти на голову и значительно шире плечами. На лице неопита застыла вежливая полуулыбка. Судя по всему, он нервничал. Хотя, как отметил гусевский наметанный глаз, меньше, чем мог бы. То ли парень очень хотел стать выбраковщиком и получить от этой работы максимум удовольствия, то ли наоборот, в свободное от стрельбы время страдал легким добродушием.

– Итак, – сказал шеф. – Это стажер-уполномоченный Алексей Валюшок. А это старший уполномоченный Павел Гусев. Любить не обязательно, но жаловать – приказываю.

– Леха, – представился Валюшок, протягивая руку.

– Гусев, – лениво бросил Гусев, небрежно сжимая длинные сильные пальцы. Ручка у «парнишки» оказалась тоже дай Бог каждому. Хоть сейчас на лесоповал. – Пэ Гусев, суперагент с лицензией на убийство.

– Вижу, – кротко признал Валюшок.

Гусев испытующе оглядел Валюшка с ног до головы и отметил: задатки у парня что надо. Валюшок совершенно не был похож на выбраковщика. Так, умеренно модный, умеренно интеллектуальный, довольно воспитанный нормальный парень лет двадцати пяти. Все у него оказалось на вид длинное: нос, подбородок, руки, ноги. Длинные волосы, отброшенные назад, лежали на плечах, недельная щетина хорошо гармонировала с прической. Эдакий мушкетер, скорее всего Арамис. Уж больно взгляд хитрющий, и опять эта улыбочка. Слегка расхлябанные движения только подчеркивали общую картину, смысл которой сводился к одной фразе: «Я не опасен, даже наоборот». Блестяще. Это может, во-первых, не раз спасти парня от членовредительства, а во-вторых, не отпугнет его будущих жертв. Тех, кого в выбраковке называли емким словом «клиент».

– Ну-ка пройдишь слегка, – попросил Гусев. – Вон туда.

Валюшок, похоже, ждал подвоха. Легким качком головы он наметил взгляд через плечо в сторону шефа, но одумался и пошел, куда сказали. Довольно скованным шагом и немного ссутулившись. «Растерялся, – понял Гусев. – Знай наших. А то уж больно ты в себе уверен, спортсмен».

Шеф неслышно сместился к двери, уходя с предполагаемой линии стрельбы.

– Кру-гом, – негромко скомандовал Гусев, когда Валюшок, пройдя весь класс, уперся в стену носом. – Стой, раз-два.

Валюшок четко выполнил поворот и встал, снова улыбаясь. Не хотел он быть серьезным. Не чувствовал патетику момента.

Гусев достал сигарету, прикурил, выпустил дым и, не оборачиваясь, бросил шефу:

- А действительно ничего.

- И я говорю - ничего, - согласился шеф.

- Валюшок, - сообщил Гусев, - это такой пельмень.

Шеф хрюкнул, Валюшок прищурился. Не агрессивно, типа «давай-давай».

- Свежеслепленный, - развил тему Гусев. - Только что скручен и обвален, ждет своей очереди в кастрюлю. Симпатичный такой несваренный пельмешек. Эй, Валюшок! Оружие получил?

- Угу, - отозвался Валюшок.

- При тебе?

Валюшок откинул полу куртки, показав пластиковый ложемент с «игольником». Висел пистолет удобно, хотя Гусев его немного передвинул бы. Но у Валюшка и руки длиннее.

- Комбидресс нацепил?

Валюшок ударил себя кулаком в грудь, из-под водолазки раздался глухой стук. Парень явно избегал открывать рот, не желая нарваться на следующую подначку.

- Не жмет? Удобно?

- Привыкаю...

Гусев понимающе кивнул. Валюшок должен был пройти месячный курс тренировок со штатной амуницией. Но конечно, легкий бронеконплект, на жаргоне АСБ - «комбидресс», еще не стал его второй кожей. Настоящий-то выбраковщик даже в булочную не пойдет без брони. Московская улица это вам не пейнтбольный зал. Мало ли, когда и где честным людям может понадобиться вооруженная защита...

– И как он стреляет? – повернулся Гусев к шефу.

– Я же сказал – ганфайтер, – объяснил шеф, еще немного сдвигаясь к двери. «Подыгрывает ему, – догадался Гусев. – Дает сигнал, что пахнет жареным. Понял уже, что парень мне нравится, и хочет теперь подбросить ему лишний шанс произвести впечатление».

– Хм-м... Эй, Валюшок! Кто такой ганфайтер, знаешь?

– Стрелок, – очень емко, дальше некуда, ответил Валюшок, который принял сигнал шефа близко к сердцу и теперь щетинился невидимыми иглами, как готовый к драке еж. Хотя класть руку на оружие или даже упираться в бок не спешил, что Гусев также записал ему в плюс.

«Десять шагов – отличная дистанция. Обычно именно на десяти шагах противник вычисляет нас. Ну посмотрим, насколько хорош стрелок Валюшок. Ты, парень, сейчас ждешь развлечения и намерен получить от него свой кайф – это заметно. Но и насчет добродушия я не ошибся: как-то в тебе одно с другим уживается. Что ж, хорошо. Развлечение я тебе обеспечу. Запомнишь на всю жизнь. Правда, ты еще не понял, как это окажется больно и унижительно. А мог бы догадаться, ведь у тебя в стволе та же иголка, что у меня. Вот поэтому никакой ты еще не ганфайтер – так, просто „ган“, один из множества парней, что любят баловаться с оружием. Ну-с, приступим к обучению».

– Молодец, – похвалил Гусев. – В терминах разбираешься. Значит так, стрелок. Я тебе сейчас прочитаю короткую нотацию. Что такое нотация, ты не в курсе. Докладываю: нотация – это речь назидательного характера, никак не подкрепленная доказательно. Нотацию обычно читает старший младшему или, как в нашем случае, ведущий – ведомому. «Ты должен» – говорит старший. И не объясняет, почему ты должен. Поэтому от нотаций обычно никакого толку. Но их почему-то все читают младшим и ведомым. Понял?

Валюшок слегка улыбнулся: мол чего тут понимать-то? И так все ясно.

– Если мы сработаемся, – продолжал Гусев, – ты услышишь от меня кучу нотаций. Я буду делиться с тобой опытом, но без практических занятий. Ну... Во всяком случае, мы не будем специально нарываться. Извини, мне не хочется проходить по второму разу то, что я уже изучил на своей бедной шкуре. Но если

вдруг настанет случай, когда моя нотация придется к месту... Ага. Вижу, что понял. Умница. Правильно, у тебя не будет времени что-то вспоминать. Тебе придется мгновенно действовать. Поэтому все мои нотации, будь любезен, проигрывай внутри себя. Представляй, как это было. Так, словно и ты участвовал. Запомни: от того, насколько ты осознаешь смысл каждой моей нотации, будет зависеть твое выживание на маршруте. И если я скажу: «Так нельзя, здесь не стой, туда не суйся», твоя задача – не вякать, а делать, что сказано. Да?

Валюшок кивнул.

– Отлично. Тогда слушай нотацию твоего ведущего Пэ Гусева номер раз. Хороший выбраковщик – это живой выбраковщик. А лучший выбраковщик – это долгожитель. Чтобы стать долгожителем, ты обязан всех и вся опасаться. Не бояться, но опасаться. Ждать, что первый встречный захочет причинить тебе вред. И заранее ненавидеть его за это. Страх за свою жизнь и ненависть к окружающему миру – вот движущая сила выбраковщика. Каждый вор, убийца, вымогатель, насильник на московских улицах – это, конечно, враг народа. Но в первую очередь он твой личный враг. Он угрожает именно твоей жизни. Хочет растоптать именно твои ценности. Он хочет сделать тебе больно. Знаешь, как больно он может тебе сделать? А вот как...

После такой затянувшейся прелюдии Валюшок уже просто обязан был прыгнуть и упасть за парту. И он прыгнул, одновременно вырывая из кобуры пистолет. Но Гусев его переиграл. На протяжении всей «нотации» он размеренно жестикулировал левой рукой с зажатой в ней сигаретой. И Валюшок попался. Нет, конечно, не на простейший гипноз, а на сам факт гипнотического воздействия. Он начал размышлять, как именно его пытаются сбить с толку. Напрасно. Этого противник и хотел.

Рассевшийся на столе выбраковщик был в невыгодной позиции, но пока Валюшок прыгал и выбрасывал перед собой руку с пистолетом, Гусев от бедра дал короткую очередь по ногам. Валюшок грохнулся об пол с таким звуком, будто задался целью проломиться на этаж ниже. После этого монументального обрушения негромкий стук выпавшего из руки оружия прозвучал чуть ли не музыкально.

– Надеюсь, башку не расшиб, – заметил шеф. – А видал, как он...?

– Подыгрывать не надо было, – сварливо ответил Гусев, засовывая игольник на место.

– Это кто подыгрывал? – возмутился шеф. – Ты сам и подыгрывал! Да он заждался уже, когда ты наконец соизволишь поиграть с ним в Клинта Иствуда!

– Заждался и перегорел, – заметил Гусев, слезая с парты и доставая чехол с аптечкой.

– Слушай, Пэ, – задумался шеф. – Ты на работе тоже клиентуре лекции закатываешь?

– Интересное кино! А что такое «птичка», по-вашему? Ее же читать секунд тридцать! Одно спасение – игольник уже у клиента в ухе. Как правило...

Они пересекли класс и остановились над лежащим в углу бездыханным телом. Голову Валюшок не расшиб, но вид у парня оказался неважнецкий. Парализатор не мешал ему дышать, и глаза жертвы тоже слегка шевелились. Боли в этих глазах оказалось столько, что шеф поспешил отойти подальше.

Гусев присел на корточки, отыскал на бедре у Валюшка желтое пятнышко хвостовика-стабилизатора, осторожно потянул за него и вытащил иглу.

– Одна из трех, – сказал он. – Надо было ниже брать. Парта дурацкая помешала. Ничего, Леша, потерпи. Так надо.

Валюшок страдальчески всхлипнул. За месяц тренировок ему рассказали про выбраковку все, что можно. Но фирменный гусевский приемчик «дать попробовать иголку» в стандартный набор не входил. Более того, никто о нем не знал кроме шефа и ведомых Гусева. Случись кому проболтаться, Агентство устроило бы своему эксцентричному ветерану настоящий остракизм. Скорее всего, другие ведущие и командиры групп сочли бы Гусева законченным подонком. Не говоря уже о том, что никакой педагогикой здесь и не пахло, а вот психопатия цвела махровым цветом. Учить ведомого жизни, стреляя в него, значит навсегда поселить в душе человека ту самую боязнь пополам с ненавистью, о которой Гусев сейчас распинался. Только эта сильная эмоция была бы направлена не против окружающего мира, а против самого ведущего.

Но Гусев считал иначе.

– Вот теперь, – сказал он, доставая шприц с антидотом, – ты знаешь, коллега, что тебе предстоит делать с людьми. Со всяким отребьем, с нравственными уродами, с врагами общества и лично твоими врагами. Но все-таки с людьми, способными кое-что чувствовать. Ты будешь направо и налево раздавать боль. Жуткую боль. Невыносимую.

Он ввел парализованному лекарство и улыбнулся.

– Скоро отпустит, – пообещал он. – И если ты к этому моменту не передумаешь, то милости просим в Агентство Социальной Безопасности. Знаешь, как меня на днях один милиционер обозвал? «Вождь палачей», вот как. А я, дурак, все думал, что последний из могикан.

Глава пятая

Стокер действительно погрешил против истины: Влад не питался кровью своих подданных, предпочитая менее экзотические блюда. Однако свое прозвище он носил более чем заслуженно.

Патруль им достался «урожайный», вечерний – с шестнадцати до полуночи, это Гусев нарочно попросил. Валюшок явился на инструктаж в положенное время, был тих, скромен и по сторонам лишней раз не оглядывался. Хотя посмотреть было на что: по центру города «заступала» группа Мышкина и еще четыре тройки, одна другой колоритнее. И все, сидящие в классе, разумеется, нет-нет да бросали взгляд на новичка. Без комментариев вслух, но с откровенной тоской. Внешность и манеры новоиспеченного выбраковщика могли убедить ветеранов только в одном: АСБ вырождается. Сегодня в классе собрались матерые волки, шерифы без страха и упрёка, привыкшие к тому, что они – Закон и даже больше. Люди, твердо уверенные, что мир до сих пор не рухнул лишь благодаря им, их желанию служить обществу до последнего вздоха.

Валюшок по таким понятиям даже на помощника шерифа не тянул. Не было у него в глазах безоговорочной готовности бросаться на выручку добрым

гражданам. Вот хоть ты тресни – не было. Так, еще один молодой дурак, решивший, что ему на работе позволено будет вволю повыпендриваться. Ну и чувствовать себя более защищенным в обычной жизни.

Гусев, который эту повисшую в воздухе легкую неприязнь отлично чуял, на всякий случай поймал взгляд сидевшего неподалеку Мышкина и ему подмигнул. Но Мышкин только неопределенно двинул гигантской нижней челюстью и отвернулся.

«Тем лучше, – подумал Гусев. – Значит, у парня будет меньше шансов сдружиться с нашими бравыми паладинами и нахвататься от них всяких глупостей. Вон, тот же Мышкин на днях нес окоlesiцу насчет господствующей расы и ее великого предназначения. Наверное это лозунг „У нерусских не покупаем“ так на него подействовал. Жутко внушаемый наш Мышкин. Прочтет шизоидную книжку, и тут же заделывается апологетом новой веры. Сначала он был убежденный йог, потом жуткий антисемит, в прошлом году из церквей не вылезал, а теперь, по-моему, в нацисты метит. А у него ведь, извини-подвинься, двадцать человек, и он им постоянно мозги компостирует... Может, подарить ему что-нибудь про экстрасенсов? Пускай откроет в себе волшебный дар ясновидения и общается с Космосом. Хотя опасно: вдруг ему прямо из недр мироздания какая-нибудь чушь послышится...»

– ...и обязаны немедленно прибыть в указанную точку, – привычно бубнил шеф. – Также прошу вести себя корректно с сотрудниками МВД. Не далее как вчера один из бойцов группы... неважно, какой группы, позволил себе грубость и нетактичное поведение. С этим надо кончать. Хотя по статусу Агентство находится на равных с МВД, тем не менее, одна из наших основных задач – всемерная и неукоснительная поддержка...

– Пусть тогда сами дворняг отстреливают, – прогудел Мышкин. – Если, значит, на равных. А то, короче, совсем обнаглели, взяли моду языки распускать. Мне все Данила рассказал, не извольте сомневаться.

Шеф смерил Мышкина оценивающим взглядом.

– Чтобы это – в последний раз! – процедил он.

– Я больше не буду, – пообещал Мышкин вызывающим тоном. В классе одобрительно захихикали.

– А ты что, тоже в милиционеров бутылками кидаешься? – удивился шеф. – И еще забраковать обещаешь?

– А-а... Никак нет, товарищ начальник. Я по поводу, так сказать, выкриков с мест. Но если, значит, какого мента надо забраковать – милости просим. Как говорится, перед законом все равны.

– Но некоторые равнее других, – негромко ввернул Гусев.

Все головы в классе словно по команде обернулись к нему.

– Вы на что намекаете, товарищ Гусев? – прошипел начальник отделения.

– Я ни на что не намекаю, шеф. Я просто говорю, что АСБ в принципе стоит над законом. Но из этого не следует, что мы должны стрелять в бродячих собак. Дворнягами обязаны заниматься органы санэпиднадзора. Их что, упразднили? Или в городе ни одной двуногой сволочи не осталось? Мы что, получается, всех подонков уже поубивали? Может, я тогда домой пойду?

– Гусев, – сказал шеф подчеркнуто ровным голосом, что предвещало мощную истерику. – У тебя не язык, а помело. Самый умный? Хочешь на мое место? Ах, не хочешь...

– Если мы уничтожим одну собачью стаю, на ее место придет новая из-за городской черты, – сказал Гусев. – Думаю, наверху это знают. А еще в головном офисе знают, что стрелять по невинным существам выбраковщики не приспособлены, для них это шок. В особенности – когда мимо идут наши славные чистенькие менты и издеваются...

– Мол-чать! – рявкнул шеф. – И после инструктажа – ко мне в кабинет. Оба! И ты, Калинин, тоже!

– Я просто зевнул, – сообщил Калинин.

– Мол-чать! Значит, так. Приказ. С этого дня. Кто поднимет руку на милиционера
– в патруль навечно. Пожизненно! Никаких больше специальных операций,
никаких премиальных, ни-че-го! Все. Разойтись! Мышкин и Гусев, ко мне!

– А я? – поинтересовался Калинин, демонстративно зевая.

– А ты пошел на маршрут!

– Yes, Sir!

– Что?!

– Будет исполнено, ваше благородие!!!

– Вон отсюда!!! – заорал шеф. – Все! Бегом! Негодяи! Разгильдяи! Всех на мясо! К
бандитам в рудники! На лесоповал!

Выбраковщики дружно повскакали с мест и ринулись к выходу из класса.

– Далекo не уходи, – сказал Гусев на ухо Валюшку. – Покуришь и возвращайся
сюда. Я быстро.

Валюшок кивнул и растворился в хохочущей толпе у двери. Кричащего и
визжащего начальства здесь не боялись. Здесь боялись начальства спокойного и
хладнокровного, готового тебя забракoвать.

* * *

В кабинете шеф несколько минут топал ногами и плевался, а потом устал,
рухнул в кресло, утер лысину грязноватым платком и неожиданно спокойным
тоном спросил:

– Гусев, это что, правда?

– Насчет чего? – не понял Гусев.

– Насчет собак.

– А-а, разумеется. Город может прокормить строго определенное число животных. Даже если вывалить очень много еды на помойки, так у каждой стаи все равно есть своя территория. Поэтому число собак в Москве – более-менее постоянная величина. Просто со временем стаи наглеют и слишком часто попадают на глаза. А то и бабушку съедят, которая их прикармливает... Тогда на собак начинают охоту, чтобы знали свое место. Но если выбить одну стаю, освободится ниша для другой стаи. И она непременно придет из-за Кольцевой. И смысл?.. И почему именно мы? И почему непременно со стрельбой? Собак не убивают прямо на улицах, их отлавливают. Народ не любит, когда убивают собак.

Шеф задумчиво поскреб лысину.

– В городе денег сейчас завались, – поддержал Гусева Мышкин. – Так сказать, девать некуда. Могли бы нанять специальных душегубов на это дело. И короче, Пэ совершенно прав – куда девалась санэпидстанция?

Шеф поглядел на Мышкина косо, но промолчал.

– Напишите запрос, – предложил Гусев. – В комитет по экологии Верховного Совета. То есть не вы лично, а пускай главный по Москве напишет. Пусть напомнит, что собак надо уничтожать правильно, а мы этого не умеем.

Шеф подергал носом и сдался.

– Попробую, – сказал он нехотя.

– Это же, так сказать, нарочно делается, – понизив бас до шепота, сообщил Мышкин. – Короче, сегодня дворняжки, а завтра что? Каждому по метле?

– Метел не дадут, – авторитетно заявил Гусев. – Ты забыл, в городе уже по четыре дворника на подъезд. Тротуары с мылом начали мыть, как в каком-нибудь, блин, Антверпене. Когда ты в последний раз видел под ногами окурков?

Мышкин задумался. Шеф, сопя, открыл ящик письменного стола и достал сигареты. Наверное подействовало напоминание об окурках.

- Между прочим, коллеги, - сказал Гусев. - Меня только что осенило. Я, кажется, догадался, почему санэпиднадзор так распустил дворняг.

- Я тоже, - хмыкнул шеф. - Ладно, свободны. Но впредь! Чтоб никаких реплик на инструктаже! Ясно?

- Есть! - в один голос рявкнули выбраковщики.

- Не смей перебивать старшего!

- Так точно!

- Несите службу.

- Разрешите идти?

- Брысь.

За дверью Мышкин тяжело хлопнул Гусева по плечу, чуть не вколотив его этой лаской в пол по колено.

- Молодец, Пэ, - сказал он. - Спасибо за поддержку. Вижу, значит, не заржавел. А то разное про тебя... Да! Короче, что там насчет санэпидстанции?

- Мы же всех сумасшедших забраковали, - потирая ушибленное плечо, объяснил Гусев. - И очень жестко. А ты представь, что за типы работали собаколовами! Они сейчас либо в земле, либо в клиниках. И тех, кто подлечится, уже на живодерку не потянет.

- Выходит, мы себе на жопу, так сказать, проблему создали?

- Да нет. Тут одно из двух. Либо ты прав, и это нарочно делается, чтобы Агентство расшатать...

– Нерусских очень много наверх пролезло, – пожаловался Мышкин. – На кого ни глянь – то, значит, почти еврей, то вообще еврей, то совсем жид пархатый. Вот бы их самих в живодеры! А еще лучше – в брак!

– ...либо о нас слегка подзабыли, – закончил мысль Гусев. – Забыли, что мы собой представляем. Не знают, куда приткнуться. Агентство подчистило страну – дай Бог. Работы почти не осталось, да и клиент измельчал. Если сейчас кто-то снова голову поднимет, это все равно капля в море. Менты и без нас справятся. И встает интересный вопрос: а что с нами делать?

Он не стал объяснять, насколько многогранно его видение проблемы, что он думает об участившихся случаях милицейского произвола и многом, многом другом. С Мышкиным нужно было изъясняться коротко и четко, иначе громила переставал слушать и уходил в себя.

– Короче, разгонят нас, – вздохнул Мышкин. – Или... Ты чего так смотришь, Пэ?

– Да нас попросту забракуют, – сказал Гусев.

– Типун тебе на язык! А на фига тогда Агентству молодых набирать?

– А вот они нами и займутся! – ляпнул Гусев и сам задохнулся от нахлынувшего вдруг ужаса. «Черт побери! Это называется – осенило».

– Как вот дам по шее! – рявкнул Мышкин.

– Не надо. Пока не за что.

– Тьфу! – Мышкин угрожающе потряс лапой над затылком Гусева. – Короче, ты меня так больше не пугай. Я теперь неделю спать не смогу. Я, так сказать, мнительный ужасно. Зар-раза... Ладно. Ты сегодня без места?

– Да, я в свободный полет, мне ведомого обминать надо.

– А хотя бы приблизительно?

– Треугольничком возле офиса. Новый Арбат, Смоленская, Арбат, по бульварам слегка.

– Значит, так сказать, пешим ходом... Значит, Пэ... Короче, в ноль часов жду тебя на стоянке у памятника Маяковскому. Уже чтоб был на машине. Приезжай, ладно?

– Интересное кино, – пробормотал Гусев. – С чего бы это вдруг?

– Значит, нужен, – коротко ответил Мышкин.

– А куда я ведомого дену?

– С собой бери. Это ничего. Заодно, так сказать, и обомнется, хе-хе...

– Ладно... – протянул Гусев задумчиво. – Считаю договорились. Хотя, если честно, не ожидал. Думал, меня уже всё, в пенсионеры записали.

– Тебя не забыли, – сказал Мышкин твердо. – Ну, пока. Живи!

– Живи, – отозвался Гусев старым, почти забытым прощанием выбраковщиков, уходящих на работу.

– Да, вот еще! – Мышкин что-то вспомнил и обернулся. – Короче, меня тут те, которые помоложе, донимали, так сказать, почему нашу формулу называют, значит, «птичкой». Я подумал-подумал и не стал им рассказывать. Незачем. Давно это было, страна уже, так сказать, совсем другая. Ни к чему им это знать. Это только для таких, как мы понятно. Кто, так сказать, ничего не забыл. Правильно?

– Правильно, – кивнул Гусев. – Похоже, ты действительно ничего не забыл.

Мышкин подмигнул, махнул рукой и пошел к выходу, откуда доносились голоса его подчиненных. Гусев свернул в тактический класс.

В углу Валюшок, закинув ногу на ногу, листал какую-то брошюрку.

– Это что у тебя? – спросил Гусев. – Устав внутренней службы?

– Нет, – Валюшок поспешно убрал брошюру в карман и встал. – Это памятка.

– Оставь, – усмехнулся Гусев. – Будет тебе сегодня памятка, мало не покажется. Идемте, агент Леха Валюшок. Поздравляю вас с первым выходом на маршрут.

Глава шестая

Надо отдать Тепешу должное – в своем палаческом усердии он не давал поблажки никому, независимо от национальности или общественного положения.

– Мы разве без машины? – удивился Валюшок, когда Гусев, выйдя из подъезда, сунул руки в карманы и, пытаясь сигаретой, бодро направился в сторону Арбатской площади.

– Подумай, – бросил Гусев через плечо, не останавливаясь.

Валюшок догнал ведущего и пристроился рядом. От дальнейших расспросов он воздержался. То ли решил сойти за умного, то ли попросту опасался лезть, что тоже говорило о наличии интеллекта.

Гусев докурил, небрежно выплюнул окурочок в подвернувшуюся урну, промазал и, раздраженно кряхтя, отправился подбирать «бычок» с асфальта и водворять его куда положено.

– Здесь пешком везде два шага, – снизошел он до объяснения. – А на машине сплошная пробка. Ничего, ближе к ночи покатаемся.

На автостоянке, примостившейся по-над стеной тоннеля, уходящего под Новый Арбат, двое мусорщиков со своим «полотером» усердно вылизывали асфальт, и какая-то смурная небритая личность ковырялась в парковочном счетчике. Гусев свистнул. Его проигнорировали. Выбраковщик перешел дорогу и легонько ткнул

небритого пальцем в бок.

Небритый чуть ли не со скрипом повернулся к Гусеву, обнаружив на груди форменный жетон, а на молодом еще пропитом лице – выражение полной отрешенности.

– Привет, – сказал Гусев. – Ты в порядке?

– А-а... – отозвался небритый. – Здорово. Да какой, блин, порядок. Гибель. Похмелиться-то нельзя, выгонят. А я вчера именины отметил. Как начал... В общем, как начал, так и кончил. А что делать, если у меня тормозов нету? Спасибо, не буйный.

– Ну и ну! – восхитился Гусев. – Интересно, что с тобой бывает после дня рождения...

– На день рождения теща заходит, она меня придерживает слегка.

– А жена, значит, тоже без тормозов?

– Накрылась у меня жена, – сообщил небритый. – Год уже как. За наркоту.

– Хм-м, а я и не знал. Извини. Соболезную, – протянул Гусев без тени сочувствия в голосе. – Чего ж ты на ней женился? Знал же, чем кончится.

– Думал, справимся как-нибудь.

– С этим не справляются, это лечат. Но мало кому помогает. Ладно. Как я вижу, ты мне ничего интересного рассказать не хочешь.

– А у нас с того раза все тихо. Форменный коммунизм, не на кого стукнуть.

– Но ты посматривай все-таки.

– Будь уверен, начальник.

- Про жену твою узнать? Может, вернется еще.

Небритый перекосялся в ухмылке.

- Не смейся, начальник, - попросил он. - Что ж я, не понимаю...

- Как раз не понимаешь. Это ведь не каторга, а лагерь.

- Даже если и так - шла бы она...

- Тебе виднее. Ну, пока.

- Бывай.

Мимо проехал, тихо жужжа, «полотер». Один мусорщик сидел за рычагами, второй шел следом, придирчиво оценивая результат. Асфальт за машиной разительно менял цвет. Его будто только что положили. Видно было, что моющие средства эта пара не экономит.

- Вы чего так стараетесь? - спросил Гусев. - Начальство ждете?

- Да не, - сказал пеший. - Просто хочется, чтобы было красиво.

- Скоро чихнуть на улице нельзя будет, - буркнул Гусев. - Сразу прибегут двое с лопатами и один с ведром. Где их только набирают, этих маньяков...

- А мне нравится, - сказал Валюшок.

- Мне тоже, - согласился Гусев. - Я просто на самом деле боюсь однажды выволочку схлопотать за то, что жвачку мимо урны выплюнул. И не ответишь ведь.

Они снова пересекли дорогу.

- Слушай, - вспомнил неожиданно Валюшок. - А что ты говорил, будто наркомания лечится? Ее же больше не лечат у нас. Или все-таки...

– Опытный психотерапевт может вытянуть наркомана. Разумеется, не всякого. И это очень кропотливая работа. Причем медикаменты здесь не главное. Быстрая детоксикация занимает, по-моему, часов десять или двенадцать. А психологическая зависимость все равно остается. Важно устранить причины, по которым наркоман хочет уйти из реальности. Садится на иглу только тот, кому положено на нее сесть. Кому очень нужно.

– А кому не нужно...? – тут же спросил Валюшок.

– Тот и не садится.

– А кому э-э... не очень нужно? – не унимался Валюшок.

– Того после диагностики оставляют в живых и гонят в рабочий лагерь. Поэтому я и сказал, что некоторые вернуться. Лагерь – не каторга, обстановка терпимая... Несчастливыми забитыми животными с навеки потухшим взглядом, но они вернуться. И проведут остаток жизни, стараясь не думать о своем зелье. Не думать, не думать, каждый день изо всех сил не думать... Потому что бывших наркоманов не бывает. Расслабься, Леха. От наркоты только одно верное средство, которое помогает всем – пуля в голову.

У табачного киоска возле «Праги» Гусев притормозил и заглянул в окошко.

– Как дела? – спросил он.

– Вашими заботами, – сообщили ему из-за витрины.

– Больше не приходили?

Валюшок ответа не расслышал. Гусев довольно хмыкнул.

– Если что – тут же звони, – сказал он продавцу. – И не в милицию, а сразу к нам. Дай-ка «Кэптен Блэк». Ага, спасибо...

На прилавок легли сигареты. Одну сторону пачки целиком закрывала белая наклейка с крупной надписью «ТАБАК УБИВАЕТ».

– Ого! – воскликнул Гусев. – Началось. Как ты там сидишь, бедняга, к тебе же все пачки на витрине этой стороной повернуты...

– Ужас, – согласился продавец. – До костей пробирает. Брошу курить на фиг. Хорошо еще на водке не догадались какую-нибудь пакость написать.

Гусев сочувственно кивнул, расплатился, положил сигареты в карман и обернулся к Валюшку. Выражение лица у Гусева оказалось неожиданно злое.

– Не озирайся так по сторонам, ты, рейнджер недоделанный... – прошипел он. – Витрина не хуже зеркала, все отлично видно.

– Виноват, – пробормотал Валюшок.

– Запомни на будущее. Тебя из-за этого мотания головой могут принять за моего охранника, причем за хорошего охранника, потому что ты на телохранителя не похож. А нам это надо? Ты не осматривай пространство хозяйским глазом, а живи в нем. Мы не патрулируем территорию, мы просто идем сквозь нее.

– Понял.

– Молодец. Пошли.

Чисто выскобленные ступеньки вели под Новый Арбат, на ту сторону. Под землей, у стеклянных дверей перехода, стоял небольшой столик, заваленный плюшками и напитками. Возле столика двое милиционеров, добродушно посмеиваясь, копались в товаре. Продавец широко улыбался.

У противоположной стены очень кстати обнаружилась урна. Гусев тут же к ней пристроился и начал распечатывать сигареты. Пачка ему досталась строптивая, и обертка улетела в мусор не раньше, чем нагрузившиеся провиантом милиционеры отошли от столика. Гусев отловил их уже на ступеньках.

– Сдается мне, сержант, что этот продавец тебя подставить решил, – ласково сказал он на ухо одному из них.

Сержант оглянулся, подпрыгнул и уронил ватрушку. Его напарник ощутимо переменялся в лице. Потому что Гусев слегка распахнул куртку, и на груди его ярко переливался всеми цветами радуги голографический значок АСБ.

– А в чем дело? – поинтересовался сержант.

– А в том дело, сынок, что этот тип меня отлично знает. И он видел, что я рядом. Но все-таки позволил тебе уйти, не заплатив.

– Да я платил! – возмутился сержант, рассовывая по карманам банки с водой. – У меня свидетели есть. Какого черта! За кого ты меня держишь?!

– Я тебя держу за молокососа, который здесь ходит не больше недели. Иначе я бы тебя помнил. Кстати, вымогатели доморощенные, ну-ка, документики... Леха, продавец удрать пытается. Останови.

Валюшок сбежал по ступенькам вниз и ухватил лоточника за шиворот. Милиционеры, наливаясь кровью, вытащили документы.

– Та-ак... Сержант Логинов. Младший сержант Козырев, – Гусев снял с пояса трансивер[2 - Трансивер: мобильная приемопередающая многодиапазонная радиостанция (полное описание см. «Комментарии»)]. – Центральное! Это Гусев. Ну-ка, проверь мне двух юных блюстителей закона... – он продиктовал фамилии, звания и номера.

– Жду. Та-ак... Ну, их счастье, – он спрятал рацию, вернул милиционерам документы, вытащил блокнот и что-то записал. – Итак, молодые люди, простить вас на первый раз, или будете права качать?

Сержант затравленно смотрел на лоточника, которого Валюшок развернул лицом к событиям. Лоточник нагло ухмылялся.

Напарник сержанта вдруг переместился на шаг, заслоняя Гусева от прохожих. Гусев с неподдельным интересом огляделся по сторонам. Валюшок, напротив, встревоженно сунул руку за пазуху.

– Неудобно, – объяснил милиционер. – Люди смотрят.

- А денежки не платить - удобно?

- У нас с собой не было денег, - выдавил сержант. - Мы собирались заплатить позже.

- Значит так, молодые люди. Или платите деньги или возвращаете товар. За это, - Гусев ткнул носком ботинка ватрушку под ногами, - с вас тоже причитается. И учтите - вы уже в картотеке. Официальное предупреждение за вымогательство.

Сержант опять посмотрел на лоточника. Тот опустил глаза.

- Как же вам не стыдно, а, ребята? - спросил Гусев. - Это же надо - с какого позорного эпизода службу начинаете! А люди, вот эти простые добрые люди, перед которыми вам неудобно, они же надеются на вас. Думают, вы их защищать будете, помогать им... А вы их вместо этого обираете.

- Да он сам нам это в руки сунул! - прошептал сержант. - Он познакомиться хотел, решил сделать подарок...

- А вот этой версии я вообще не слышал, - отрезал Гусев. - Потому что она еще страшнее.

- Да ты спроси его!

- Нет проблем, - Гусев спустился к лоточнику. Милиционеры пошли следом, в их глазах читалось откровенное желание дать выбраковщику по голове и нарисовать потом в отчете самооборону. Они действительно были совсем молодые и еще очень неопытные. От новой ошибки их удерживала только рука у Валюшка за пазухой и его прицеливающийся взгляд.

- Здорово, провокатор, - сказал Гусев лоточнику.

- Здорово, гестаповец, - весело ответил тот.

- Ну рассказывай, как дело было.

– Да как всегда бывает. Подошли типа познакомиться. Ну, туда-сюда, потом говорят – мы возьмем? Я говорю – берите. Вот и все.

– Скотина! – беспомощно взвыл сержант. – Да я тебя... Врет он все, гнида мелкая! У меня свидетель есть!

– Леха, отпусти человека, – скомандовал Гусев. – Пускай торгует. Ну вот что, детишки. Либо вы делаете, как я сказал, и остаетесь дальше служить с первым и последним официальным предупреждением. Из центра вас, конечно, погонят, будете какое-нибудь Ново-Ебенёво окучивать... Либо вы пытаетесь что-то мне доказать. Тогда я вам прямо сейчас зачитываю «птичку», вызываю труповозку, и дальше вы беседуете уже не с добрым выбраковщиком, а с очень свирепым дознавателем. Пять минут психотропного допроса, и вся правда налицо. Что скажете?

На ступенях раздался слоновий топот, и между Гусевым и приунывшими милиционерами вклинился еще один сержант, только пожилой, усатый и грузный.

– А-а! – обрадовался Гусев. – Так это твои гаврики?

Пожилой одним взглядом охватил место происшествия и поставил диагноз.

–! – сказал он. – На минуту оставить нельзя! Посрать отойти невозможно! Сразу же!

– Безусловно, – поддержал его Гусев. – Редкостные балбесы. Тут, понимаешь, одно из двух. Либо взятка, либо рэкет. Я, конечно, рэкет нарисовал. Зафиксировано предупреждение. А они ломаются и хотят к дознавателю.

– ...! – сообщил молодым пожилой.

– В общем, ты их забираешь и учишь жизни. А я иду своей дорогой. Так?

– Я их так научу...! – вполголоса заорал пожилой. – Да вы же меня, уроды, просто!

Судя по виду пожилого, расстроен он был донельзя. Не столько взбешен, сколько именно расстроен. Действительно, ситуация дичайшая – он ненадолго оставил подчиненных, и за это время они его макнули в дерьмо по самую кокарду.

– Ерунда, ты-то отмажешься, – утешил его Гусев.

– Как бы не так! – отмахнулся пожилой. – Мне теперь... У-у...!

– Ну, мы пошли, – сказал Гусев. – Всего наилучшего.

Валюшок прощаться не стал, только руку из-за пазухи вытащил.

Лоточнику Гусев сунул под нос кулак.

– А чего я неправильно сделал?! – возмутился тот.

– Это так, для профилактики. Я же не слышал, о чем у вас был разговор. Может, ты их сам подтолкнул.

Лоточник закатил глаза, воздел руки к небу и длинно выматерился, не хуже пожилого сержанта. Из тирады следовало, что он еще не окончательно сошел с ума и скорее готов согласиться на опасный для жизни нетрадиционный секс, нежели дать взятку официальному лицу – как в процессе отправления указанным лицом должностных обязанностей, так и при иных обстоятельствах.

– И все-таки, следи за собой, будь осторожен, – напомнил ему Гусев, удаляясь в переход. – Знаю я твою натуру гнилую.

Лоточник проводил его неприличным жестом.

Милиционеры уже скрылись, так и не вернув награбленное. Вместо них на ступенях появилась дородная некрасивая мусорщица в оранжевой куртке. Она подняла оброненную молодым сержантом ватрушку и задумчиво оглядела ее со всех сторон.

– Да выбрось! – крикнул ей лоточник. – Иди сюда, я тебе пирожок дам... Так уж и быть, с мясом.

* * *

– А почему рэкет – не так страшно, как взятка? – спросил Валюшок, когда они с Гусевым поднялись на другую сторону Нового Арбата и неспешным шагом двинулись вдоль зеркальных стен почтамта.

– Взятка предполагает сговор двух сторон. И если одна из сторон немедленно не стукнула в милицию или АСБ, дело можно очень сильно раздуть, когда все откроется. Сегодня они у него плюшками баловались, завтра он их попросит своего хозяина припугнуть. Ну и так далее. А вот если к тебе подходят, забирают товар и не платят – это одностороннее нарушение, к тому же без перспектив развития – теоретически. Ничего, Леха, разберешься. Нам специально оставили несколько таких «вилок», на первый взгляд дурацких. Чтобы можно было с людьми эффективнее работать.

Валюшок согласно кивнул.

– Как-то они по-детски совсем...

– Дураки. Ты что думаешь, этот старый прожженный мент их не учил? Еще как учил. В первый же день объяснил – упаси вас Господи, ребята, хоть одну конфетку у кого-нибудь взять. Потом всю жизнь не отмоетесь. Ребята сказали «да». Но оставшись без присмотра, решили хотя бы разок попробовать. Им же, щенятам, нужно самоутвердиться, почувствовать себя большими и страшными. А многого и не надо для этого. Большинству хватит и бесплатной плюшки. Кстати, ты не голодный?

– Они даже не пытались толком оправдаться... – переживал Валюшок. – И психологического сопротивления тоже никакого. За спиной только у тебя, когда ты повернулся...

– Да, я по твоим глазам понял. На какой-то миг ребятам очень захотелось треснуть кое-кого дубиной по затылку. И ты все правильно сделал. Хвалю. А насчет оправдания... Гипноз ситуации. Слышал?

– Угу.

– Сам не испытывал? На себе? А некоторые из наших испытали, и очень потом ругались. Мы ведь этих двоих взяли с поличным. Считай, за руку схватили. Тут нужно быть законченным подлецом, чтобы мгновенно перестроиться. Настоящие мошенники это умеют. У них переключение за доли секунды происходит. Был у меня случай...

Гусев закурил. Лицо его вдруг неприязненно скривилось – наверное, случай был печальный. Валюшок с интересом ждал продолжения.

– В общем, брали мы на живца парочку негодяев. Они тонко работали, гады. Один идет и как бы невзначай роняет человеку под ноги пачку денег. Куклу, разумеется. Если человек ее не берет, тут же рядом оказывается второй, подбирает ее, заглядывает жертве в глаза и спрашивает шепотом – что делать-то? И дальше у жертвы выхода нет. Даже если она кричит: «Эй, мужик, ты деньги потерял, а этот поднял», все равно не уйдет. Там был десяток вариантов, как выставить человека виноватым и подвергнуть обыску. Если что – подбежали тут же остальные члены банды, становились вокруг, кричали – мы свидетели, он твои бабки взял... Сам понимаешь, бросали «куклу» человеку, у которого в кармане много денег. Вычисляли в обменных пунктах, когда те еще были, потом стали по магазинам в бумажники заглядывать. И представь себе, запасными вариантами банда пользовалась очень редко. Потому что двое из трех потерпевших обычно соглашались поделить добычу с провокатором. Жадные мы все до ужаса. Наш парень, который наживкой работал, говорил потом – ничего не бойтесь, люди, а бойтесь вот этого пакостного желания хапнуть чужих денег. Когда тебе мерзавец в глаза заглядывает и предлагает разделить ответственность на двоих, ты ведь не становишься от этого тоже мерзавцем. Ты думаешь, что тебе просто очень повезло. Может человеку раз в жизни повезти? Считается, что может. Должно.

Гусев умолк.

– И что дальше? – подтолкнул его Валюшок.

– Если жертва доставала свои деньги, их тут же пересчитывали и возвращали с извинениями. Разумеется, незаметно уполовинив пачку. Хотя могли бы и просто ограбить. Но сам понимаешь, разбой и мошенничество очень разные статьи, а

такое ловкое мошенничество еще и сложно доказать. Против него обычный закон бессилён, только АСБ справится. Ну, менты и дали наконку Центральному. Так вот, мы когда взяли этих ублюдков, они нам целый спектакль закатили... Не Москва, конечно, но областной драмтеатр дорого бы дал за таких актеров. А я смотрю на того, который с деньгами работал, и думаю – черт побери, ведь из тебя, идиота, вышел бы отличный фокусник. Ловкость рук невероятная. Выступал бы на сцене, народ бы тобой восхищался... А ты – вот как. Обидно до невозможности. Такая моя злость разобрала тогда на род человеческий... А эти двое кричат, руками машут, святую невинность изображают. При том, что поняли уже – взяты на живца. Все равно не сдаются. Им наводчика ведут под белы ручки, еще двоих, которые обычно свидетелей изображали – нет, кричат, мы их в глаза не видели, и вообще не местные, через полчаса самолет. У наживки просто челюсть отпадает, я думал, мужик расплачется сейчас. Он, кстати, потом все равно не удержался. Одно дело – свидетельские показания, а совсем другое на собственной шкуре пережить, что это такое, когда ты человеку в глаза плюешь, а он тебе говорит: Божья роса. Невыносимо. Просто невыносимо. Самое мерзкое в нашей работе – лицом к лицу с гнусностью людской встречаться. Вот такие, брат, дела.

– И что им было? – спросил Валюшок.

– А я убил их на фиг, – небрежно махнул рукой Гусев.

Валюшок коротко хохотнул, потом осекся.

– Ты не представляешь, как это было мерзко, – объяснил Гусев. – Мне просто делать ничего не оставалось, у меня ощущение было, что я сейчас утону в этом океане лжи. И, главное, «живца» очень жалко, это ведь мой ведомый был. Ну, я взял и грохнул двоих прямо на месте. Оказалось – правильно сделал, потому что ребята мне аплодировали.

Валюшок шмыгнув носом и полез за сигаретами.

– Наводчик только расстроился, – вспомнил Гусев. – Обкакался бедный. Но тут же признался во всем. А еще один из банды в обморок упал. Они всегда так – как запахнет жареным, становятся очень сентиментальными. За что отдельно воров ненавижу. Леш, не закуривай пока. Мы сейчас на секунду вот в этот магазин заглянем. Или хочешь, постой снаружи. Ничего особенного, я просто хочу

посмотреть, нет ли нового приличного кино.

– Я тоже хочу, – сказал Валюшок и открыл Гусеву дверь.

Глава седьмая

Кол оказался также весьма эффективным регулятором экономической деятельности: когда несколько семиградских купцов, обвиненных в торговле с турками, испустили дух на рыночной площади в Шесбурге, сотрудничеству с врагами веры Христовой пришел конец.

В магазинчике играла музыка, красивая, но страшноватая. Кто-то жутким голосом ревел на гитарном фоне нечленораздельное. Гусев прислушался и опознал Кинчева. Песня была ему незнакома и не особенно понравилась. Чересчур уж выворачивала душу.

В стеклянный прилавок уперся толстым животом покупатель – маленький азербайджанец в дорогом спортивном костюме. Представитель обреченной на вымирание породы: недавно вброшенный в массы лознуг «У нерусских не покупаем» людям понравился, и могущество чернявых диаспор таяло на глазах. Но пока они еще хорохорились. Как этот, например. Даже со спины чувствовалось: вот настоящий хозяин жизни, из тех, что с московской пропиской и тридцатью тремя зубами девяносто шестой пробы.

– Так ты, нах, сделаешь? – спрашивал он у продавца, молодого парня, бросившего на Гусева подозрительный взгляд.

– Я же сказал – на будущей неделе сделаю.

– Но ты, бля, обязательно, нах, понял?

От интонаций азербайджанца Гусева покорило еще больше, чем от завываний в динамиках. Кроме того, хозяин жизни не обратил внимания на важный момент: продавец снова покосился на Гусева. Хозяину жизни было совершенно

наплевать, кто там сзади вошел в дверь. Что Гусева окончательно взбеленило.

Валюшок уткнулся носом в угловую витрину, набитую компакт-дисками. Гусев встал рядом с азербайджанцем, осмотрелся, понял, что интересного ничего здесь нет, прослушал еще серию «бля» и «нах», слегка приглушенных вокальными упражнениями Кинчева, и почувствовал, что тоже очень хочет на кого-нибудь наорать.

- Ну ты, бля, понял, я, нах, зайду. А это что за хня воет?

- «Алиса», - объяснила девушка, сидящая за кассой.

- Какая, нах, Алиса? Девочка?

- Группа! - усмехнулась кассирша. - Кинчев.

- Никогда не слышал. Ну и хня! - возмутился азербайджанец. - Я, и то, бля, лучше спою. Ладно, нах, пока.

Он повернулся, чудом не задев Гусева животом, и вышел. Кинчев, будто по команде, немедленно стих. Продавец и кассирша переглянулись, оба с легкой усмешкой.

- Что у вас новенького? - спросил Гусев.

- А что вас интересует? - вид у продавца был немного смущенный.

- Да вообще свежее что-нибудь.

- Вот этот не смотрели? Милицейский боевик.

Завязалась оживленная беседа, точнее оживился продавец, а Гусев хмыкал и кивал. Постепенно на прилавке выросла стопка из пяти-шести кассет. Валюшок заинтересовался, подошел к Гусеву и заглянул через плечо. Судя по подбору фильмов, какой-либо вкус у Гусева отсутствовал в принципе. Кое-что оказалось совершенным позорищем, Валюшок такое не стал бы смотреть даже за деньги. Реши сейчас Гусев расплатиться и забрать фильмы, он бы здорово упал в глазах

ведомого.

Но Гусев платить не стал. Вместо этого он упер руки в бока, раздвинув полы куртки так, что видны стали кобура на поясе и значок на груди.

У продавца отвалилась челюсть.

– Леша, дверку прикрой, – сказал Гусев ласково.

Валюшок метнулся к двери, набросил стопор и перевернул табличку с надписью «открыто/закрыто». Ему было уже не стыдно за Гусева, хотя он совершенно не понимал, что ведущий затевает.

– Значит так, молодые люди, – произнес Гусев еще более ласково. – У вас в магазине стоит какое-то чмо, матерится, как извозчик, наглет и чего-то требует. Заказывал он порнуху, верно? На это мне наплевать, порнография у нас запрещена, но вещь на самом деле полезная, так что фиг с ней. А вот остальное...

Продавец стоял с каменным лицом и часто-часто моргал. Кассирша съежилась, наверное, она хотела спрятаться под свой аппарат, но размер бюста не позволял.

– Мои знакомые азеры таких, как этот торгаш, считают позором своей нации, и я их понимаю, – Гусев не повысил голоса, напротив, заговорил еще тише, и в интонациях его прорезалась тоска. – Но вот из-за таких, как ты, – Гусев ткнул пальцем, отчего продавец тоже съежился, – всякие уроды чувствуют себя в нашем городе как дома. Покупатель всегда прав, но он был не покупатель, а распоясавшийся хам. Поэтому слушай приказ. Если в следующий раз этот урод сюда явится, гони его в шею. Если погнать кишка тонка, хотя бы не заискивай перед ним, веди себя достойно. А чтобы у тебя, сынок, не отшибло память...

– Он с хозяином знаком... – выдавил продавец.

– Значит, и хозяину твоему внушение не повредит. Вы меня поняли, детишки? Или что-то ускользнуло? Вы думали, наверное, что раз есть выбраковка, значит, уже не нужно быть гражданами – злые кровожадные дяди все сделают за вас?

Уничтожат всех уродов, и начнется Золотой Век? Фигушки! Каждый должен заплатить за покой и безопасность, понимаете, каждый! Мало перестать мусорить на улице, нужно еще и человеческий мусор кидать туда, где ему место. А хозяин будет спрашивать, что здесь произошло – объясните. Так и скажите – выбраковщик заходил. Старший уполномоченный Центрального отделения АСБ Павел Гусев. Очень злой выбраковщик, и очень расстроенный тем, что вы потакаете хамью. А это вам, дорогие мои москвичи, в назидание и на долгую память.

Гусев шевельнулся, и Валюшок обомлел. В руке старшего появилось оружие. Но совсем не пневматический игольник, а очень красивая огнестрельная пушка, в которой даже полный чайник опознал бы по характерному дизайну итальянскую «беретту».

Продавец и кассирша, хором взыв не хуже Кинчева, метнулись в угол и затихли там. А Гусев аккуратно подровнял стопку кассет, лежащую на стеклянном прилавке, упер в нее ствол, поставив оружие вертикально, и нажал на спуск.

Пистолет глухо жажнул, кассеты с хрустом осели, внутри прилавка что-то разлетелось в клочья... и медленно, как в рапидной съемке, пошло трещинами и начало рушиться фронтальное стекло. Верхнее стекло, долю секунды подумав, тоже растрескалось и обвалилось вниз.

– Стекло дрянное, – объяснил Гусев в наступившей тишине. Он попрыгал, чтобы отряхнуть с себя осколки, и убрал пистолет за пазуху.

– Я думал, красиво получится. Но так даже еще поучительнее. Счастливы, молодые люди. Подумайте о том, что я сказал. Выбраковка много всякой сволочи поставила на место, но на нашем горбу вы в рай не въедете. Извольте потрудиться хоть чуть-чуть. И большой привет хозяину!

На улице Гусев достал сигареты. Вид у него был вполне довольный. Валюшок протянул ему зажигалку.

– Спасибо, – отмахнулся Гусев. – Ветер. Я лучше сам. Вот так мы иногда читаем нотации, агент Валюшок.

«Круто читаете, – подумал Валюшок. – Ничего не скажешь, круто».

Но внутри себя он не чувствовал особого протеста. Ему, кажется, стало понятно, чего выбраковщик Гусев хочет добиться от людей. Возможно, Гусев и переигрывал. Но сказать, что его позиция в корне неверна или как-то расходится с общепринятой моралью, Валюшок не смог бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

По поводу данного эпизода руководство государственного предприятия «Московский Метрополитен» заявило решительный протест еще в 2015 г., после выхода первого издания книги. Дежурный по эскалатору не покидает свой пост ни при каких обстоятельствах. Описание такого вопиющего случая пренебрежения работником метрополитена его служебным долгом полностью на совести автора (прим. ОМЭКС).

2

Трансивер: мобильная приемопередающая многодиапазонная радиостанция (полное описание см. «Комментарии»).

Купити: <https://tellnovel.me/oleg-divov/vybrakovka>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)